

№9

Сентябрь 2012

РУССКИЙ КЛУБ

ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

175

Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб» объявляет

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

«ОТКРЫВАЕМ ВЕРХА И ДНО»

К 175-летию со дня рождения великого грузинского писателя Улы Чавчавадзе

Конкурсные работы должны быть созданы по произведениям Улы Чавчавадзе.

Приглашаем принять участие детей и подростков в возрасте от 5 до 17 лет, проживающих в Грузии и за рубежом.

Победители будут определены в 3-х возрастных группах:

от 5 до 8 лет;

от 9 до 13 лет;

от 14 до 17 лет.

Жюри Конкурса назовет трех победителей в каждой возрастной группе.

От одного автора на Конкурс принимается не более 3-х рисунков, выполненных в любой технике на листах формата А4 или А3.

На обратной стороне конкурсной работы укажите фамилию и имя конкурсан-та, дату рождения, место учебы, домашний адрес, телефон, адрес электронной почты. Неподписанные рисунки к Конкурсу не допускаются.

Торжественная церемония награждения победителей состоится на открытии выставки конкурсных работ в Театре им. А.С. Грибоедова (точная дата церемонии награждения будет объявлена дополнительно).

Все работы будут представлены на сайте МХТС «Русский клуб» www.russianclub.ge и на выставке в фойе Театра им. А.С. Грибоедова на протяжении новогодних каникул.

Последний срок приема работ 1 декабря 2012 года.

Рисунки принимаются по адресу:

Тбилиси, пр. Руставели, 2, Театр им. А.С. Грибоедова (служебный вход), 8 этаж, комната 812.

Справки по телефону: 293 43 36; 299 77 06.

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 93-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Арсен ЕРЕМЯН

Редакционная коллегия:
Вера ЦЕРЕТЕЛИ
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Донара КАНДЕЛАКИ
Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ
Владимир ГОЛОВИН

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Допечатная подготовка
Алена ДЕНЯГА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
Зураб АБАШИДЗЕ
Важа АЗАРАШВИЛИ
Нани БРЕГВАДЗЕ
Гуджа БУБУТЕИШВИЛИ
Гоги КАВТАРАДЗЕ
Гига ЛОРДКИПАНИДЗЕ
Отар МЕГВИНЕТУХУЦЕСИ
Роин МЕТРЕВЕЛИ
Ирма СОХАДЗЕ
Гулбат ТОРАДЗЕ
Джансуг ЧАРКВИАНИ

Армения
Михаил БАГДАСАРОВ

Белоруссия
Валентина ПОЛИКАНИНА

Великобритания
князь Никита ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Венгрия
Олег ВОЛОВИК

Израиль
Давид МАРКИШ

Россия
Михаил НОСОВ
Евгений ТАБАЧНИКОВ
Александр ЭБАНОИДЗЕ

США
Алексей ЦВЕТКОВ

Франция
граф Петр ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА
В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

РУССКИЙ КЛУБ

№9⁽⁸³⁾
Сентябрь 2012

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

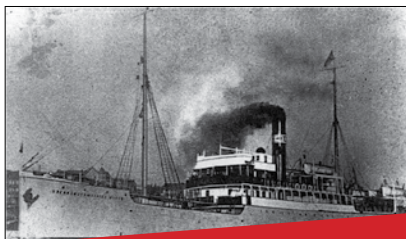
СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 ПОЭТОВ ЕЩЕ УВАЖАЮТ
НИНО ДЖАВАХЕЛИ
- 8 Я ЛЕТА, КАК ПРАЗДНИКА, ЖДУ
РОБ АВАДЯЕВ
- 12 ОБРЕТАЯ СВОЕ «Я»
АННА БЕЛОВА
- 15 ДЕТИ СОЛНЦА
НИНА ЗАРДАЛИШВИЛИ
- 20 УШЕЛ ВОЛШЕБНИК
ТАТЬЯНА ШАХ-АЗИЗОВА
- 22 ЧЕМПИОН ИЗ ЗАОБЛАЧНОЙ ВЫСИ
АРСЕН ЕРЕМЯН
- 26 СВЕТ НЕБЕСНЫЙ
КЛАРА БАРАТАШВИЛИ
- 30 МАЯКОВСКИЙ ПРОДОЛЖАЕТСЯ...
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 32 «ЗАВЛЕКАЮТ В СОЛОЛАКИ СТЕРТЫЕ ПОРОГИ...»
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 37 «Я УВИДЕЛ ВЫСОТЫ...»
ИРИНА ШЕЛИЯ
- 43 ЧТО УДЕРЖАЛОСЬ В СОЗНАНИИ
БОРИС ДОБРОДЕЕВ
- 47 ОТ БАЙРОНА ДО НАШИХ ДНЕЙ
ЭМЗАР КВИТАИШВИЛИ
- 48 ЦВЕТЫ ДЛЯ ЭЛИСО ВИРСАЛАДЗЕ
ГУЛБАТ ТОРАДЗЕ
- 50 ЗАЧЕМ ЧЕЛОВЕКУ УЧИТЬСЯ РИСОВАТЬ
НИНА ШАДУРИ
- 54 ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ В ГЕНАХ И ТЕАТР В КРОВИ
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН

На обложке – Тбилиси. Майдан обновленный.
Фото А.Сватикова

ОТ ДО

ПРОЩАНИЕ С РОДИНОЙ

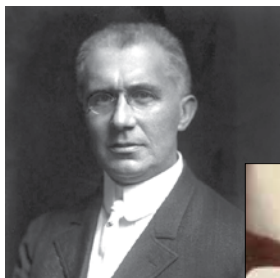
29 сентября 1922 года, 90 лет назад из Петрограда в Германию отправился знаменитый «философский пароход». Еще в мае того же года В.И. Ленин неожиданно решил заменить смертную казнь для неактивных врагов советской власти высылкой их за границу. Что это на него нашло – в гражданскую войну расстреливали сотнями и тысячами, а тут – ездите себе с миром? Нет – просто времена переменялись, нужно было продемонстрировать миру гуманность победившей советской власти. Мнение вождя мирового пролетариата также разделял и его сподвижник, позднее заклеянный советской историей, Лев Троцкий: «Мы этих людей выслали потому, что расстрелять их не было повода, а терпеть было невозможно».

В итоге пароход «Обер-бург-мистр Хакен» отправился в короткое плавание по Балтийскому морю и менее чем через двое суток достиг Штеттина. На германскую землю ступили около трех десятков блестящих русских интеллигентов – философов, инженеров-механиков и экономистов, среди которых были Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, И.А. Ильин, С.Е. Трубецкой, Б.П. Вышеславцев, А.А. Кизеветтер, М.А. Ильин, профессор МВТУ В.И. Ясинский и другие.

ГРАММОФОН, ИГРАЙ – МОЮ ГРУСТЬ РАЗВЕВАЙ!

Так пелось в старинной уличной песенке конца XIX века. А вот кто изобрел черные хрупкие пластинки и этот смешной механизм с огромной трубой, который заводили, на-

кручивая ручку сбоку? И называли то ли Эдисона, то ли француза Пате, а вот, оказывается, и нет – был такой изобретатель Эмиль Берлинер, он родился в Германии, но в девятнадцать лет уехал в Америку. И не просто уехал, а вполне там преуспел, став профессиональным изобретателем. И изобретений у него было не намного меньше, чем у знаменитого создателя лампочки накаливания. Например, угольный микрофон, без которого не смогли бы создать телефон. Знаменитый Александр Белл не просто купил у молодого Эмиля патент, но и пригласил к себе работать главным специалистом по телефонной технике. А в сентябре 1887 года Берлинер запатентовал сразу два революционных изобретения – граммофон и грампластинку. В возрасте сорока четырех лет, в 1895 году основал Berliner Gramophone – первую компанию, занимавшуюся продажей граммофонных записей. И снова вернулся в Европу, создав два филиала – в Англии Gramophone Company (сейчас EMI – одна из крупнейших звукозаписывающих компаний мира) и в Германии Deutsche Grammophon – тоже благополучно ныне здравствующую. Талантливый

человек, как известно, талантлив во всем – среди его изобретений самолетный двигатель со звездообразным расположением цилиндров и даже три модели вертолетов. А также он основал Общество профилактики заболеваний. Благодаря Эмилю Берлинеру, в Америке появился закон об обязательной пастеризации молока.

МОДНО И НЕДЕШЕВО

130 лет назад, 4 сентября 1882 года, для восьмидесяти пяти нью-йоркских богачей наступил новый век – эра электричества. В их домах зажглись лампочки Эдисона – хилые, хрупкие, ненадежные и даже не очень яркие. Сразу же появился анекдот: «Сэм, зажги спичку и посмотри, горит электричество или нет?» И стоило это, мягко говоря, недешево – великий изобретатель свою выгоду знал очень хорошо.

Оставалось только хвастаться перед знакомыми и говорить, что электричество гораздо лучше газового света. Знакомые завидовали, ибо такая новинка была куда престижнее, чем сегодня последний iPad.

ВСКРЫВАЯ СЕЙФ – НАДЕНЬ ПЕРЧАТКИ

С 13 сентября 1902 года это предупреждение грабители банков и прочие нарушители закона стали друг другу передавать на воровских сходках и выстукивать через стену из тюремной камеры в камеру. Потому что отныне в суде стали принимать в качестве неопровержимой улики отпечатки пальцев с места преступления. Этот способ идентификации человека по неизменному за жизнь рисунку папиллярных линий на пальцах был предложен криминалистом Уильямом Гершелем колониальной полиции в Индии, а разработан до надежной методики Френсисом Гальтоном.

ГЕРОЙ, КОТОРОГО НАДО БЫЛО БЫ ВЫДУМАТЬ

855 лет назад, а именно 8 сентября 1157 года родился, наверное, самый романтичный король в истории. Он был высокий, настоящий гигант по средневековым меркам (192 см), красивый, голубоглазый с золотыми волосами, образованный. А еще он был поэт, правда, плохой, прекрасный певец – так говорили современники, храбрец-герой-полководец и настоящий рыцарь – это точно! Короче, краса и гордость своих подданных и своей умнейшей, мудрейшей и коварнейшей мамы – королевы Алиеноры Аквитанской. Мы говорим, конечно же, о знаменитом английском короле Ричарде Львиное Сердце. Кстати, по-английски (Richard the Lion Heart) при жизни его так никто не называл. Ибо в родной Англии, став королем, он, во-первых, не пробыл

им и десяти месяцев, а во-вторых, английским языком не владел вовсе – ибо был чистокровным французом. Наверное, имело смысл именовать его на французский лад – Ришар Кер-де-Лион. Короче, хоть он и был неотразимым «душкой-военным», королем он был никудышным – страну обескровил, Иерусалим у неверных не отвоевал, детей после себя не оставил. Стоимость его ратных увеселений – крестовых походов была невообразимо огромной, ну, а выкуп, чтобы выгадать этого любимого маменькина сыночка из австрийской тюрьмы, куда он попал на пути домой, сделал бедными всех англичан, как уже бедных, так и до этих пор богатых. Местных пейзажей попросту задушили налогами до немыслимого предела. Потомки еще долго расхлебывали горькую кашу неудачливого царствования короля Ричарда I. Но, что поделаешь, такие герои нужны во все времена. Еще Вольтер говорил, правда, по другому поводу, что, если бы таких, как он, не было, их нужно было бы выдумать.

200 ЛЕТ БОРОДИНСКОМУ СРАЖЕНИЮ

Уже два века все граждане России испытывают невольный трепет, заслышав про День Бородина. Это не просто одна из страниц учебника истории или конкретная географическая точка на европейской карте – это воистину слава России, Великая битва в истории страны! Она произошла под Москвой 7 сентября 1812 года. Тогда лучшие и храбрейшие сыны России сошлись на Бородинском поле, чтобы дать отпор грозному врагу – агрессору, пришедшему на родную землю, французской армии императора Наполеона Бонапарта. Овеянные славой, прошедшие пыльными дорогами Европы, непобедимые

легионы гениального корсиканца наконец-то получили достойного противника. Редко бывает, что обе стороны считают себя победителем в битве, но это именно тот случай. И правы обе стороны: французы весь день атаковали и на следующий день продолжили наступление, а русские к исходу сражения остались на своих же позициях, а неприятель отступил на свои, исходные. Что бы там себе не думали иноземные историки, факт остается фактом – русские не дрогнули. Хотя в итоге и оставили поле битвы, а потом и вовсе ушли из своей древней столицы Москвы, оставив ее французам. Великие русские полководцы не стали цепляться за сиюминутный успех в Бородинском сражении, зная, насколько опасен Наполеон и его маршалы. Кутузов и его соратники обманули ожидания французского штаба – те надеялись на продолжение решающего сражения – они решили выиграть не просто сражение, а всю войну. Так и случилось – от шестисоттысячной Великой Армии, перешедшей Неман в июне, к 14 декабря осталась всего жалкая полторатысячная колонна оборванных и замерзающих несчастных бродяг – в этот день они сумели переправиться в Польшу около литовского Каунаса. Отечественная война 1812 года завершилась практически полным уничтожением французской армии.

ДЕНЬ КЕТЕВАН МУЧЕНИЦЫ

24 сентября Грузинская Православная Церковь отмечает день святой мученицы Кетеван – кахетинской царицы, жившей на рубеже 16-17 веков. Ее под именем Кетеваны почитает также Русская Православная Церковь. С ее именем связаны важные события в грузинской истории. Это были страшные времена, когда сильные враги попеременно вторгались в пределы Грузии, а княжеская вольница безответственно играла судьбами родного народа. Царица Кетеван, оставшись вдовой, мирно строила храмы, больницы и монастыри, когда брат ее мужа Константин, прозванный Окаянным, принял ислам, захватил и убил ее свекра и свяка – царя Александра II и царевича Георгия. А потом велел погрузить тела на верблюда и отослать их Кетеван. Получив такую страшную посылку, она оплакала родственников, достойно их похоронила, а потом призвала к оружию кахетинцев и разбила войско отступника Константина вместе с войском его союзников-персов. Но после этой битвы персидский шах Аббас I взял

в заложники сына Кетеван, Теймураза и очень нескоро его отпустил, разумеется, за большой выкуп. Но продолжал угрожать, что обратит Грузию в руины. Желая не допустить такое несчастье, царица Кетеван сама отправилась к шаху с богатыми дарами и предложила себя в заложницы. В Исфahanе ее заточили в темницу на долгих десять лет, а потом, когда не удалось склонить ее к мусульманской вере, после жестоких пыток, сожгли. Это случилось 13 сентября 1624 года. Мужество Кетеван потрясло присутствовавших при ее мучениях

португальских миссионеров-августинцев. Они ночью выкрали ее обугленные останки и спрятали, чтобы впоследствии достойно похоронить. Это удалось сделать только через три года в католическом храме Святого Августина на индийском острове Гоа. Часть мощей Кетеван также переслали сыну Кетеван, царю Теймуразу I, который заложил их под алтарь в соборе города Алаверди. А другую часть ее мощей августинцы отвезли в Рим, где они с большим почетом были помещены в соборе святого Петра.

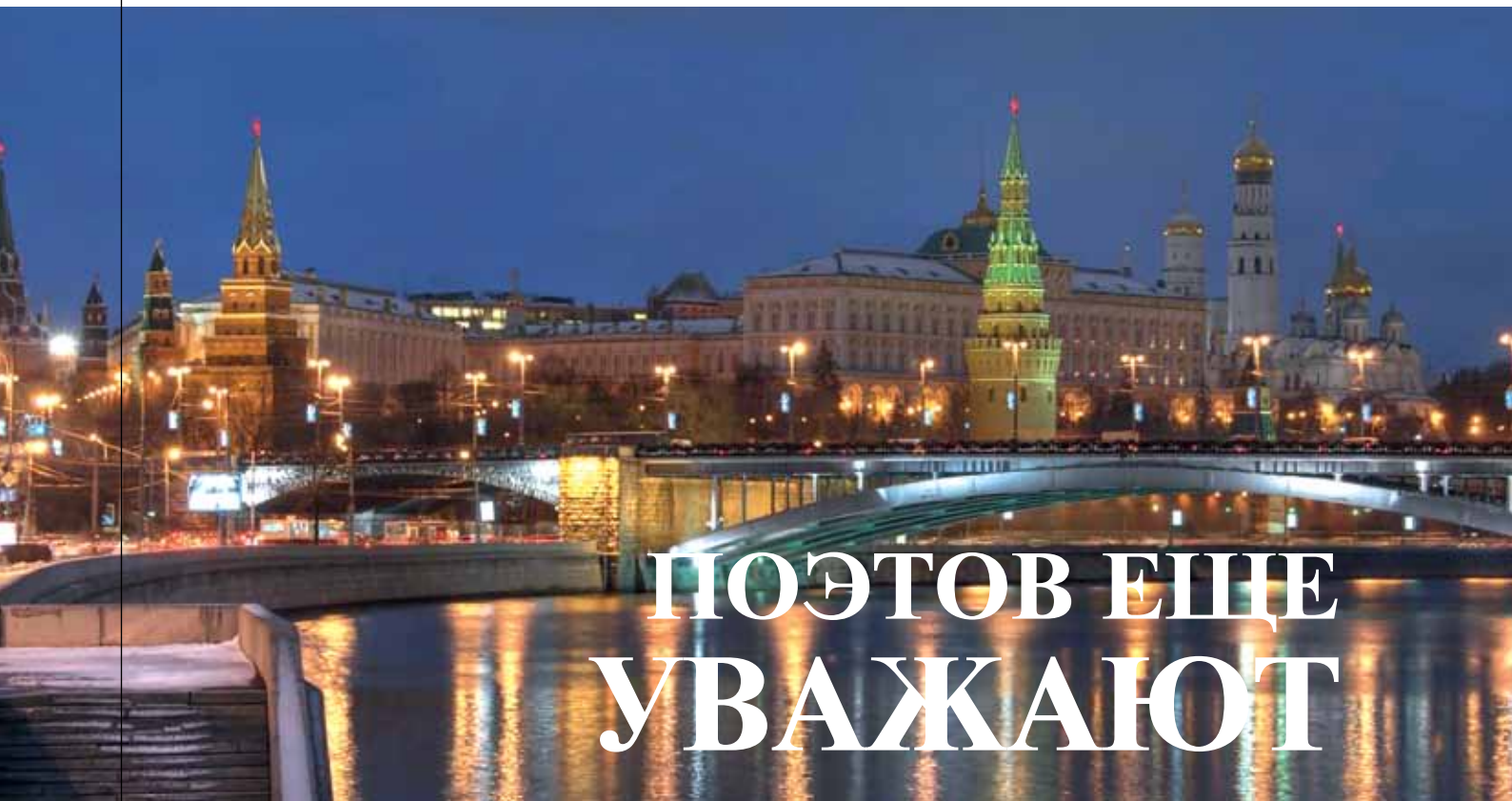
ЛИТЕРАТУРА И КУЛЬТУРА В СЕНТЯБРЕ.

8 сентября 1952 года, шестьдесят лет назад, вышло первое издание великой повести Хемингуэя «Старик и море». Ее автор, колоритный бородатый храбрец, и ее герой, усталый рыбак Сантьяго, поймавший большую рыбу, сразу шагнули в бессмертие. А пятьдесят лет назад в тот же день на венецианском кинофестивале главный приз «Золотой лев святого Марка» получил советский режиссер Андрей Тарковский за фильм «Иваново детство». А 155 лет, 16 сентября 1857 года, назад некая Джейн Пирпонт из Бостона получила авторские права на детскую песенку «One Horse Open Sleigh», которую мы знаем как рождественскую песню «Jingle Bells». А казалось, что она была всегда... 120 лет назад, 25 сентября 1892 года, в тифлисской газете «Кавказ» был напечатан самый первый рассказ Максима Горького «Макар Чудра». А 30 сентября 1472 года в Майнце Иоганн Гутенберг завершил печать самой первой книги – Библии.

Роб АВАДЯЕВ

ПОЭТОВ ЕЩЕ УВАЖАЮТ

Максим Амелин – поэт, переводчик, издатель. Учился в Литературном институте им.М.Горького. Главный редактор издательства «ОГИ». Печатался в «Новом мире», «Знамени», «Арионе» и других толстых журналах. Автор книг стихов «Dubia», «Холодные оды», «Конь Горгоны», «Гнутая речь» и многочисленных переводов, в первую очередь, с латыни и древнегреческого. Совместно с Бахытом Кенжеевым, Дмитрием Кузминым, Сергеем Тимофеевым и другими авторами – составитель Антологии новейшей русской поэзии «Девять измерений». Лауреат Антибукеровской премии и премии журнала «Новый мир». Лауреат Большой премии «Московский счет» 2004 года.

Анна Золотарева – поэт, переводчик. Родилась в Хабаровске. Окончила психологический факультет Хабаровского института искусств и культуры. Училась в Литературном институте им.М.Горького. Автор поэтических книг, изданных вместе с Еленой Кругловой – «Бабыобе» и «Избаб». Публикуется в журналах «Октябрь», «Футурум-Арт», «Журнал Поэтов», «Дружба народов», «Новый мир». Переводит современных грузинских поэтов. Участник международных фестивалей и форумов.

Предлагаем беседу с поэтами-супругами, записанную в дни Международного русско-грузинского поэтического фестиваля.

- Максим, вы проходили семинар у Олеси Николаевой в Литературном институте. Как вы думаете, поэзии можно научить?

- М.А. Научить поэзии невозможно. Можно теоретически научить стиховорству. Раньше ведь дворяне практически все писали в альбомы, сочиняли. Есть целый жанр альбомного стихотворения. Поэзия такое же искусство, как музыка, живопись. Ему научить нельзя. Но ремесло преподавать талантливому человеку можно. И это ему скорее поможет, чем помешает.

- А.З. Я думаю, что и стиховорству нельзя научить. Скорее, можно научить видению. Если есть талант, но человек не умеет отбирать, не знает, как увидеть поэзию, то он и не разовьется, как поэт. Вот этому можно научить – видеть поэзию.

- Вы не в первый раз приезжаете в Грузию, на международный поэтический фестиваль. Как вы считаете, почему этот фестиваль нужен?

- М.А. Я пятый раз в Грузии и с каждым годом все больше убеждаюсь в не-

обходимости этого начинания.

- А.З. Фестиваль необходим. В первую очередь нам, поэтам, и Грузии, и простым людям. Нас встречают на улицах, на творческих вечерах, и не заметить это человеческое тепло невозможно. Результативность фестиваля огромна. Но хочется еще больше – больше грузинской публики, больше грузинских поэтов, больше общения, и не только в формате фестиваля.

- Но вы уже перевели довольно много из современной грузинской поэзии?

- А.З. Не так много, как хотелось бы. Мы еще в Москве знакомились с творчеством грузинских авторов, читали. С кем-то познакомились лично. Я, например, перевела Шалву Бакурадзе. Его же перевела и Ирина Ермакова.

- Аня, для вас грузинская поэзия чем-то отличается от остальных?

- А.З. Ну, начнем с того, что грузинская поэзия разная. Даже если судить по тому, что мы сегодня читаем. И конечно, классика – Руставели, Бараташвили.

- А для вас, Максим?

- М.А. Для меня это просто европейская поэзия. На сегодняшний день это так. Европеизация грузинской поэзии началась в середине 70-х годов, когда грузинские литераторы отошли от русской поэзии, которая далеко ушла в сермяжность. Мы сегодня тоже ориентируемся на европейскую поэзию.

- А еще вы составитель Антологии современной грузинской поэзии.

- М.А. Вот уже несколько лет я пытаюсь выпустить антологию грузинской поэзии за последние годы. В нее войдут двадцать авторов, например, Шота Иаташвили, Ника Джорджанели, Зураб Ртвелиашвили, Звиад Ратиани. Я прилагаю всяческие усилия, но на издание денег нет.

- Аня, вы состояли в дальневосточном отделении Академии Зауми. Что за академия такая?

- А.З. Это, конечно, никакая не академия и никто там не учится. Академия Зауми создана в Тамбове поэтом и ученым Сергеем Бирюковым и объединяет авторов, работающих в традиции русского авангарда, и исследователей авангарда из разных городов России и зарубежья от США до Японии и от Хорватии до Канады. Я, поскольку родилась и выросла в Хабаровске, состояла в дальневосточном отделении Академии Зауми. Нас было всего три человека. Мы выпускали газету, выступали в авангардных нарядах. С моей подругой Еленой Кругловой выпустили книгу «Бабыобе». Это парафраз Велимира Хлебникова. Одним словом, совмещали арт и поэзию.

- Татьяна Бек назвала Максима архаистом-новатором. Вы с ней согласны?

- А.З. Я думаю, каждый поэт должен быть и архаистом, и новатором. Любой поэт должен уметь использовать прошлое и связывать его с настоящим. Максим умеет, он настоящий поэт.

- М.А. Архаист-новатор – это справедливая фраза. Понятно, что это из известной книги Юрия Тынянова «Архаисты и новаторы». Это книга о том, на что поэзия должна опираться. И я это мнение полностью разделяю. Если вы хотите посадить цветок, а земли у вас мало, он не будет расти. А у поэзии почва поэтическая – это ее прошлое. Должна быть какая-то база, на которой можно «выращивать» стихи. И в то же время новаторское это то, чем проявляет себя в поэзии современность. Здесь прямая связь, и о ней нужно помнить всегда.

- Что такое Антибукер?

- М.А. Для того, что бы понять, что такое Антибукер, нужно знать, что такое Букер. Премия «Русский Букер» основана в 1991 году как первая негосударственная премия в России после 1917 года. Она присуждается за лучший роман года на русском языке. В разные годы ее лауреатами становились Ольга Славникова, Василий Аксенов, Рубен Давид Гонсалес Гальего, Людмила Улицкая, Михаил Шишкин и другие. Антибукер был создан по инициативе «Независимой газеты» в пику этой премии.

Причем, если призовой фонд Букера составлял 12 тысяч долларов, то Антибукер «стоил» на один доллар больше. Номинаций у Антибукера было пять – проза, поэзия, драматургия, литературная критика и эссеистика. Я получил премию в 1998 году за поэтические публикации в журнале «Новый мир». Правда, в 2001 году Антибукер прекратил свое существование. Увы, у нас все хорошее быстро канчивается.

- Максим, вы один из очень немногих переводите древнегреческую и поэзию Древнего Рима. Чем она вас привлекает?

- М.А. Во-первых, это опять же относится к поэтической базе. Ведь были великие поэты, которые по-русски не звучат. Например, Гай Валерий Катулл, которого я перевел практически целиком. Его и раньше переводили, но читать эти переводы было невозможно. Самое смешное, что они и оригиналу-то не особо соответствуют. А у Катулла есть и хулиганские стихи, и эротика. До революции ее вырезали, потому что была церковная цензура, в советское время вырезали, потому что была пуританская цензура, такая странная советская мораль. Но это же непостижимо – из античного автора вырезать эротику. Это как один американский коллекционер скупал античные статуи и надевал на них трусики и бюстгалтеры, он был пуританин и не мог на это смотреть. Не понимал он сути искусства.

- Но вы теперь расставили все точки над i.

- М.А. Ну, что касается Катулла, то я точно расставил все точки (смеется). Кроме того, все переводы в то время были стилистически ровные, одинаковые. Не отличить переводы грузинских поэтов 50-х годов от того же Катулла, или английского поэта. Была установка переводить на некий условный средний литературный язык. Такого не бывает. В русской литературе не существует условного среднего языка. Поэзию и индивидуальность автора убивали.

- В связи с этим хочу спросить у Ани. Насколько важно следить за подстрочником, можно ли отойдя от текста, убить суть стиха?

- А.З. Суть стиха не всегда в смысле. В стихе важно как он выглядит, как он звучит. Важны рифма, количество слогов. Есть устойчивые сочетания, идиомы, которые нужно переводить на идиомы.

- А вас самих переводят?

- М.А. Шота Иаташвили перевел меня на грузинский. Адам Поморский, выдающийся переводчик, на мой взгляд, перевел мои стихи на польский, по-моему, лучше, чем они есть в оригинале. А Аню перевели на китайский и на армянский.

- Максим, в одном из интервью вы сказали, что в Грузии поэтов еще уважают. А в России поэт уже не больше чем поэт?

- М.А. В Грузии поэтов еще уважают. В России их уже презирают. Есть такая устойчивая мифологема, стереотип, что поэт – это безумное существо, которое загоняет всех в угол и читает свои графоманские стихи. Еще бытует мнение, что все поэты умерли. Пушкина застрелили давно. Гумилева расстреляли. И все. Но поэтов очень много. Еще больше, конечно, графоманов, причем они очень активные. Вот это и породило стереотип. Осип Мандельштам сказал, что много людей пишет стихи не хуже, чем поэты. Это очень глубокая мысль на самом деле.

Я ЛЕТА, КАК ПРАЗДНИКА, ЖДУ

«Знают ли наши бакинские концертные залы, что такое настоящий аншлаг? Такой, когда зрители стоят в проходах, сидят на ступеньках и мужественно терпят жару и духоту на верхних ярусах. Наверное, знают, когда в город приезжают поп-звезды или исполнители уровня Лучано Паваротти. Но чтобы Театр песни им. Рашида Бейбутова не вместил всех желающих послушать заключительный гала-концерт VIII Бакинского Международного фестиваля авторской песни – такого еще не было. Зрители не просто заняли все сидячие места, они стояли в проходах и в конце зала, как в метро в час пик. Какие нужны еще доказательства тому, что жанр авторской песни в Баку не просто популярен, а сверхпопулярен?»

Оксана Буланова

Интересно, почему мысли об умных и непростых вещах приходят в самое неподходящее время и неподходящем месте? Это как на лекциях в институте – тебе говорят про высшую математику, а ты смотришь в окно на листву и считаешь минуты до встречи с девушкой. Вот и сейчас я иду по узким горбатым улочкам Тбилиси, ловлю запах вкусной еды из духанов, слышу гортанную экспрессивную беседу двух таксистов и сванский народный хор по радио с балкона... А думаю я в этот момент о русской авторской песне. И перед глазами проносятся обрывочно, как в клипе, и Окуджава, и Высоцкий, и Кукин, и даже Анчаров с Галичем – мне посчастливилось, я слышал вживую их всех. И я не понимаю, почему все виды власти – от коммунистов до нынешних российских прагматиков-государственников относились к авторской песне настороженно. Самое интересное, потом до многих доходило, что бардизм – это искренне патриотическое направление. А как их гоняли! На долю бардов выпадали разве что кухон-

ные посиделки, концерты-квартирники, магнитофонные кассеты – ведь это были времена магнитофонов Яуза-5. И как же приятно все это вспоминать. Совсем не «замшелый мрамор царственных могил», а что-то очень живое и теплое. Хотя с развалом Советского Союза авторская песня явно потеряла свою актуальность, как боевая винтовка теряет цель. И действительно, по всей бывшей единой стране люди с гитарами концертируют (если, конечно, найдут деньги на зал) на самых разнообразных площадках. Они выступают, и никто не спрашивает «залитованы» их песни или нет. Поясню для тех, кто уже не помнит это слово, «залитованы» – означало тексты, прошедшие официальную цензуру. Только небольшое число авторских песен пробивалось на эстраду и на телевидение и радио: «Ах Арбат, мой Арбат» Окуджавы, «Если друг оказался вдруг...» Высоцкого да «А я еду, а я еду за туманом» Кукина. Это при том, что на всем огромном магнитофонном пространстве гигантской страны еженедельно появлялись

новые блестящие песни – время было богатым на таланты. А ныне, представьте себе, бюджет Грушинского фестиваля составляет несколько миллионов долларов. Это та самая «Груша», куда собирались с палатками из разных городов и весей пожить дней пять, послушать песни у костров, поболеть за участников конкурса на плоту в форме гитары...

Вот тут самое время поговорить о современных фестивалях и о главном поводе нашего нынешнего разговора – о тбилисцах на фестивале в городе-соседе по Закавказью – прекрасном Баку. Несмотря на то, что нынче в разных странах проводится немало подобных мероприятий, но по-настоящему теплых, ярких и творчески состоятельных раз-два и обчелся. И один из самых лучших современных международных бардовских фестивалей – ежегодный бакинский фестиваль. Его проводит всемирно известный бакинский Клуб авторской песни – КАП. При всем том, что КАП – весьма очевидная аббревиатура, если вы наберете это слово в Интернете, выскочит ссылка именно на бакинский клуб и ни на какой другой. Он существует без малого четыре десятилетия, и, за исключением пяти-шести особенно лихих годов, функционировал непрерывно. Менялись поколения за поколениями, и в последние 15 лет им руководит мудрейший и добрейший Джавид Имамвердиев – кинорежиссер, КВНщик, и, конечно, хороший бард. Если говорить о пресловутой роли личности в истории, то это как раз тот случай. Именно ему мы благодарны за эту ежегодную летнюю сказку общения и песни – Международный бакинский фестиваль. Вот короткое интервью с ним:

▲ Джавид Имамвердиев

- Джавид, зачем тебе вообще фестиваль? Ты организуешь его в такие сложные времена...

- Этот фестиваль нужен для того, чтобы популяризировать в Баку авторскую песню, для того, чтобы бакинские авторы могли общаться с другими авторами, и для того, чтобы другие авторы знали, что в Баку жив этот жанр. И что у авторской песни жив зритель. В первый раз на фестиваль я попал, когда мне было шестнадцать лет. И фестиваль для меня – большой праздник. Праздник, который всегда с тобой.

- Джавид, ты произнес ключевое слово – публика. Публика ведь есть далеко не везде. Как ты считаешь – основной интерес зрителя к авторской песне уходит корнями в ностальгию? По тем временам, когда страна была огромной, и не было границ, когда пели песни

в разных ее концах, и эти песни знали все?

- Понятно, что в конце 80-х – начале 90-х мы потеряли как основную творческую часть КАПа, так и существенную часть его аудитории. И когда мы в 1997 году возродили клуб, нам пришлось вместе с ним возрождать и круг слушателей. Я не могу сказать, что наша аудитория на 100 процентов состоит из ценителей и почитателей именно жанра авторской песни. Для многих наших зрителей это просто умные песни, исполняемые на русском языке. Многие оторваны от своей языковой среды. Телевидение ведь в основном звучит на азербайджанском языке, а что касается доступной музыки на российских каналах – это, как правило, одна бездумная попса. Авторская песня дает возможность слышать родной язык, общаться на одном языке и поддерживать определенный интеллектуальный уровень.

- Для тебя один фестиваль заканчивается, когда начинается следующий?

- Следующий фестиваль для меня начинается, наверное, в день окончания предыдущего. Хотя точно до конца ничего и никогда неизвестно. Я недавно написал стихотворение, там были такие строчки:

Весь год я терзаюсь сомнением –
А сбудется ль в этом году?
С надеждою и нетерпением
Я лета, как праздника, жду.

Я действительно целый год живу надеждою, и каждый раз, когда она становится реальностью, это для меня праздник.

- Что будет дальше?

- Если говорить о двух следующих фестивалях – дай Бог, чтобы они состоялись – то следующий я, конечно, хочу посвятить 80-летию Александра Моисеевича Городницкого. Еще через год я надеюсь справиться 40-летию Бакинского Клуба Авторской Песни. Кстати, Грушинский фестиваль, будучи 40-м юбилейным, тоже будет посвящен 80-летию этого замечательного автора.

- А если другие песни, другие послы, другие вопросы к жизни? Я к Городницкому отношусь с почтением, но по жизни несу непохожую ноту. Что мне, например, делать на следующем фестивале?

- Они у всех другие. Фестиваль, посвященный Александру Моисеевичу, не означает, что мы все забываем о том, что мы авторы и исполнители со своей линией в жанре. Это будет абсолютно самоценный фестиваль. Мы должны только придумать программу – проявить мудрость и сохранить оба начала. Посвятить фестиваль основоположнику авторской песни, но при этом сохранить самобытность.

Но вернемся к событиям этого лета. Итак, с 10 по 19 июля под эгидой Министерства молодежи и спорта и Министерства культуры и туризма Азербайджана в Баку проходил VIII международный фестиваль авторской песни, без преувеличения, давно уже ставший культурным явлением, известным и признанным далеко за пределами Кавказа. Это, безусловно, грандиозное событие ежегодно собирает авторов и исполнителей из ряда стран, где поют русскую авторскую песню. Из Грузии же в этом году приехало пять участников творческого объединения. В Баку хорошо знают и любят авторов из нашего города, поэтому организаторы фестиваля решили выделить нам свой собственный концерт.

«Тбилисский день» стал беспрецедентным собы-

тием. Дело в том, что участникам одной делегации до этих пор никогда не предоставляли отдельного концерта. И, в итоге, он запомнился зрителям как одно из самых ярких и неожиданных событий фестиваля. Вот фрагменты из рассказа очевидца, побывавшего на том концерте – знаменитого бакинського автора Ибрагима Имамалиева:

«Это были выступления ярких, талантливых и харизматичных ребят. И что самое ценное – это не были однотипные авторы и исполнители. У каждого была своя «изюминка», своя неповторимость!

Даже авторы, которых мы хорошо знали по предыдущим фестивалям: Вахо,

Ира, Люда - демонстрировали новые песни и явный творческий рост!

Если раньше стиль выступлений Вахтанга Арошидзе производил впечатление какой-то смеси эстрады и шансона, то сейчас это были глубокие, философские, чисто бардовские песни!

Даже поначалу мрачноватое лицо Гоги Чкония озабочилось улыбкой, когда зал взорвался овацией на его песню «Мemento мори...» Он тоже завоевал их сердца.

Отдельно хочу сказать о впечатлении от Эки Думбадзе – сильный, выразительный голос, небольшая, но уверенная гитара, мне понравилась настолько, что я даже подарил ей свой романс «Он и она»... Мне сказали, что она происходит из старинной театральной тбилисской семьи, и я, наконец, «врубился» в природу ее такого уверенного поведения на сцене. Мои аплодисменты!..

Что же говорить о двух тбилисских красавицах Людмиле Орагвелидзе и Ирине Парошиной. Публика фестиваля разделилась на две равные половины и не знала – кому же из них отдать приз зрительских симпатий. В результате – получили обе! Одна – от жюри

фестиваля, а другая по версии газеты «Эхо».

О конкурсе. Одним из ключевых отличий VIII Бакинского фестиваля от предыдущих было введение конкурса молодых исполнителей – впервые за много десятилетий. Тбилиси представляли Ирина Парошина и Эка Думбадзе. На самом деле, как соглашаются сами организаторы, первостепенной задачей фестиваля является общение авторов друг с другом и диалог со зрителем, а вовсе не соревнование. Но, тем не менее, конкурс внес в атмосферу элемент приятного ожидания. Ведь результаты не оглашались вплоть до заключительного торжественного гала-концерта. Эта ситуация была весьма интригующей, ведь никто из посвященных в тайну решения жюри, подписки о соблюдении обета молчания или закона омерты не давал. Посему, естественно, были какие-то утечки, которые только подогревали интерес публики, но достоверной инсайдерской информации о заключительном наградном протоколе до самого момента награждения получить никому не удалось, потому, что члены жюри были людьми серьезными и ответственными.

О жюри. Далеко не каждый конкурс может похвастаться таким составом судей. Конкурсантов оценивали знаменитые корифеи бардизма Александр Городницкий, Вадим Егоров и Юрий Лорес, бакинские мэтры Александр Барьюдин и Ибрагим Имамалиев, и, конечно же, президент клуба Джавид Имамвердиев вместе с представителем Министерства культуры К.Керимовым.

А вот теперь о призах. Согласно единодушному решению жюри, звание «Лучший автор слов и музыки» присудили тбилисскому автору – Ирине Парошиной. В тот же конкурсный день у публики была возможность не согласиться с мнением жюри и проголосовать за собственного избранника. Но и приз зрительских симпатий также достался Ирине, всеобщей любимице, вот уже почти пять лет выступающей на фестивальных и других концертах в Баку со своими песнями. Ее «Осторожной кошке» и «Alter ego» начинают аплодировать с первых аккордов.

По словам Александра Городницкого, Ира Парошина – это самый цельный и удивительно гармоничный автор интеллектуальных и очень красивых песен. И, как сказал

Людмила Орагвелидзе

Эка Думбадзе

Вахтанг Арошидзе

Ирина Парошина

Гога Чкония

на награждении Джавид Имамвердиев: «Приз лучшему автору стихов и музыки вкупе с призом зрительских симпатий – это, конечно же, Гран-при!» И он уезжает в Тбилиси.

Вот как Ирина сама прокомментировала это событие: «Когда в дипломе написано – лучший автор слов и музыки – Ирина Парошина», а под этим стоят подписи тех, кто был у истоков жанра, это многого стоит. Но призу зрительских симпатий я рада не меньше, потому что бакинскую публику люблю так же сильно, как она меня».

Приз «Лучший исполнитель» получил замечательный исполнитель Алексей Ушаровский из Москвы, диплом «Лучший дуэт» также забрали москвичи – очаровательная Ольга Васильева и обаятельный Михаил Гантман.

Авторитетное жюри вручило эти три главных официальных приза. Но кроме этого были учреждены еще

и специальные призы – от самого жюри, от аккредитованных журналистов и отдельно от редакции газеты «Эхо». Оксана Буланова, журналист и член оргкомитета фестиваля, и Ирада Асадова, заведующая отделом культуры газеты «Эхо», вручили четыре дополнительных приза: «Лучший авторский дуэт» - Самире Раджабову и Эльхану Челябиневу, «Лучший автор» - Людмиле Орагвелидзе, «Лучший исполнитель» - Михаилу Гантману и неожиданный приятный приз «Мисс Фестиваль» - Ирине Парошиной. Таким образом, в Тбилиси уехало целых четыре приза из одиннадцати возможных.

И вот как завершила свой репортаж Оксана Буланова:

«...Восьмой Бакинский закончился. Но «не прервать связующую нить» - как написал знаменитый российский бард Вадим Егоров. Эта цитата как никакая другая отражает суть того, что происходило в Баку, потому что VIII Бакинский Международный фестиваль авторской песни завершил свою работу, и теперь все мы будем с нетерпением ждать лета следующего года и очередного, IX Бакинского фестиваля. Не прервать связующую нить между поколениями именитых бардов и молодых авторов, что идут им на смену, не прервать связующую нить между авторами и зрителями, не прервать связующую нить между коллегами по цеху, которые с удовольствием приезжают в Баку на праздник авторской песни. Потому что Бакинские фестивали – это настоящий праздник авторской песни, самого незрелищного жанра, но при этом самого содержательного, самого мудрого и сильнее всех прочих заставляющего нас сопереживать и думать».

Роб АВАДЯЕВ

ОБРЕТАЯ СВОЕ «Я»

На сцене театра имени А.С. Грибоедова реализован независимый театральный проект. «Мистическая ночь с Сергеем Есениным, или Прыжок в самого себя» - так назвал свой спектакль автор пьесы и режиссер-постановщик Валерий Харютченко, определивший его жанр необычно – постреалистическая фантасмагория. Так же необычен и сам спектакль. Осмысление бытия происходит в нем не только в контексте судьбы России, истории и современности, не только в контексте судьбы поэта, но и в диалоге с метафизическими законами и нравственными основами мироздания.

«Мистическая ночь с Сергеем Есениным, или Прыжок в самого себя» - это интеллектуальный театр. Основная тема спектакля – проблема человеческого духа, столкновение личности с абсурдностью окружающей его реальности. В фокусе внимания режиссера – трагическая судьба и творчество Сергея Есенина, но он создает свою сценическую версию, в которой органично переплетены эпизоды биографии поэта, фрагменты его стихов с воспоминаниями, ассоциациями автора спектакля. Это и становится основой его драматургии.

Спектакль состоит из пролога и восьми видений. Происходящее на сцене – за рамками реальности как таковой. «Сон – это явь, а явь – это сон», - говорит Артист, цитируя древних. Да и персонажи – Артист-Поэт, Анти-эго, Ангел-хранитель, Типы – не совсем обычны.

Будучи, по сути, продуктом нашей реальности, каждый из них представляет собой своего рода архетип. Они являются проводниками концепции автора, неотъемлемой частью его метафорического мира.

Когда-то Валерий Харютченко вызвал на спиритическом сеансе дух Сергея Есенина и задал поэту совершенно невероятный, с точки зрения логики, вопрос: не может ли он ему чем-нибудь помочь. «Можешь!» – ответил дух. Душа жаждет очищения и после смерти. Это стало одним из импульсов для создания спектакля, герой которого Артист проживает трагическую судьбу Сергея Есенина – человека сложного, раздираемого противоречиями, страдающего от несовершенства мира. Но за этой вполне конкретной фигурой – Поэт, Творец вообще. Потому что во все времена художник оказывается в конфликте с окружающей реальностью и с самим собой, и из этого вечного противостояния, противоречия высекается огонь творчества.

В сгущенной атмосфере ожидания затмения – и образного, и реально неотвратимого, - пытается выжить «челокалеченное человечество» - так называется одно из видений спектакля. Над сценой плывет нарастающий, пугающий гул. «Два вперед и шаг назад!» - словно заговоренные произносят Типы усвоенный ими девиз конформизма. «Человек! Мимо пронесится вся твоя жизнь. Сотворенное тобой возвратится, боль, которую ты причинил другим, станет твоим ужасом!» - словно

сигнал SOS посылает в пространство Артист, он же Поэт. «Дайте ему крылья, пусть летает!» - отдает приказ Анти-эго. И Типы напяливают на Поэта... смирительную рубаху.

Еще в прологе Ангел-хранитель выносит на золотом блюде и передает Поэту «Родину» - макет маленького домика в цветущем белом саду. Склонившись над этим образом Эдема, утраченного рая, куда как в счастливое детство, нет возврата, Поэт произносит слова из есенинского «Исуса-младенца»: «Молятся с поклонами, за судьбу греховную, за нашу». Эта тема становится лейтмотивом постановки.

Ассоциативный сюжет спектакля облечен в острую, динамичную форму, иногда на грани фарса. Отношения героев предельно заострены, реплики хлестки, афористичны, парадоксальны. При этом стихотворные строки органично вплетаются в прозаические тексты, создавая с ними единое целое. Это, по сути, разоблачение людских несовершенств и пороков, неминуемо ведущих человечество к гибели. К черному колодцу, который «под каждым из нас». И все балансируют на его краю. Метафорический образ черного колодца, который мы видим на авансцене, - это неизбежное на-

казание за грехи. И вдруг – опля! - «огнедышащий» колодец вдруг превращается... в баню, в которой парится Анти-эго вместе со своей свитой. И это не единственная сцена, где пафос легко «снимается» игровой стихией.

В центре спектакля – конфликт Поэта (Валерий Харютченко) с Анти-эго (Михаил Амбросов). Он развивается по классической схеме: экспозиция, завязка, развитие, кульминация, развязка. Их борьба «прорисована» не только в словесной схватке, но и в пластическом, тоже заостренном, решении. И актеры мастерски ведут свои партии.

Кто такой Анти-эго? Это антипод Поэта? Или его альтер-эго? А может быть, и то, и другое? Это – мотив двойничества. «Я есть ты, дорогой мой!» - говорит Анти-эго Поэту. Это, прежде всего, есенинский Черный человек. Или Черт из «Братьев Карамазовых» Достоевского?.. Ассоциаций возникает немало. В общем, это – образ Зла (понятно, что зло существует не только вне нас, но и в нас самих!). Ерничавший, многоликий. Таким он предстает в спектакле «Мистическая ночь». Поэт борется с Анти-эго за души двух молодых людей (в спектакле это Типы), находящихся под влиянием

▼ Сцены из спектакля

циничной философии. Борется и побеждает. Анти-эго изгнан. Актеры Василий Габашвили и Александр Лубинец, исполняющие роли Типов, увлеченно прочерчивают путь своих персонажей... Анти-эго в спектакле искушает не только этих молодых людей. Злой демон кружит и вокруг Поэта, нашептывая ему свои ложные сентенции. «Покиньте этот бордель! - призывает Анти-эго. - Хру-хру-кап-дзынь, два вперед и шаг назад!» Но Поэт разоблачает и изгоняет беса: «Черный человек! Ты прескверный гость. Эта слава давно про тебя разносится. Я взбешен, разъярен, и летит моя трость прямо к морде его, в переносицу...»

Тему чистоты души, веры несет в спектакле Ангел-хранитель в трогательном, естественном исполнении Дмитрия Спорышева.

Душа спектакля – его глубокое, образное музыкальное решение, принадлежащее композитору Александру Харютченко. В спектакле также звучит фрагмент из 77 Псалма «Господи, устала душа моя» на музыку Петра Чайковского и Католикоса-Патриарха всея Грузии Илии II.

Минимализм сценографии, лаконичность художественного решения спектакля придают происходящему на сцене графическую выразительность. Действие разворачивается, по сути, в пустом пространстве. На сцене только «небесная лестница», офисное кресло Анти-эго, чемодан со стихами Поэта, люк, ведущий в «тартарары», и макет Родины (художник спектакля – Олег Тимченко).

В финале герои обретают душевную гармонию, и происходит возвращение. Возвращение на родину. Они склоняются над макетом родительского дома. «Собрала пречистая журавлей с синицами в храме. Пойте, веселитесь и за всех молитесь с нами!..» - звучит песнопение на есенинские строки. Поэт уходит с Ангелом-хранителем. На сцене остаются двое. И вновь, как в прологе спектакля, слышен нарастающий гул... Двое на «пяточке» Земли кажутся беззащитными перед какой-то неведомой опасностью. Но что-то в них кардинальным образом изменилось – Типы осознают свое «Я», обретают себя, обретают друг друга...

Анна БЕЛОВА

ДЕТИ СОЛНЦА

«Я получил известие, что в Тбилиси будет выходить журнал «Литературная Грузия» и туда просят меня написать... Мне так захотелось присутствовать среди друзей в этом журнале, что я, сидя несколько ночей, привел в порядок один небольшой рассказ, биографического характера. Я его доработал, назвал «Цхнетские вечера» и послал в журнал. Я получил, к своей радости, уведомление, что рассказ будут печатать. А знаешь, о чем я там пишу? О том чудесном, вдохновенном, легком и прекрасном времени, когда мы с тобой, уединившись в Цхнети, писали с утра до вечера, а вечером гуляли по поляне, и внизу переливался золотистыми огнями Тбилиси. Какие это были незабываемые дни и вечера, последние дни и вечера. Потом почтальон, помнишь, принес нам фантастическую новость, что «всюду война». И он был прав. Но все войны прошли, а сладость цхнетских вечеров и сегодня ощущается»... Так писал из Москвы в 1957 году Николай Тихонов, обращаясь к своему «дорогому другу Гогле» - Георгию Леонидзе.

А сам рассказ «Цхнетские вечера» русский поэт заключил волнующими словами: «Я поднялся на гору Давида, я смотрел на город, лежавший в свете сентябрьского солнца, древний город славы и искусства, труда и мира. Куда бы я ни бросал взгляд в это скопление домов, садов и улиц, всюду я находил уголки, связанные с воспоминаниями, с хорошими, добрыми днями, с хорошими, добрыми людьми. Как древний язычник, я вознес моление к небу, чтобы война не коснулась красоты этого города, не превратила ее в груды развалин. И небо услышало мое моление. Война не коснулась красоты Тбилиси»...

Тихонов бывал в Грузии часто. Поэт Сандро Шаншиашвили свидетельствовал: «Николай Тихонов исходил всю Грузию – с востока на запад. Он знает наш край не хуже любого грузина». Его строчки стали крылатыми: «Я прошел над Алазанью, Над волшебною водой, Поседелый, как сказанье, И, как песня, молодой».

«Каждому, кто с ним впервые знакомился, надолго запомнились его синие-синие, напоминающие финские озера, глаза», - вспоминали о нем. Синеглазый, солнечный человек... Очень открытый. В нем сочеталось несочетаемое: он подписал письмо группы писателей в газету «Правда» о Солженицыне и Сахарове и он же ходатайствовал за Заболоцкого, был фигурантом в деле о контрреволюционной группе ленинградских писателей и во всеуслышание, выступая по советскому радио, вспомнил о Гумилеве, чье имя было тогда под полным запретом, и даже цитировал его стихи.

Может быть, поэтому он и привязался к Грузии так крепко, что она, дитя солнца, и сама такая – может обжечь, но всегда согревает...

Тихонов много переводил – Г.Табидзе, Г.Леонидзе,

▲ С родителями и сестрой Мариной

Т. Табидзе, И. Абашидзе, С. Чиковани, Г. Абашидзе, П. Яшвили... «Тихоновские переводы грузинской поэзии надолго будут являться образцами», - писал Михаил Дудин.

А еще Тихонов здесь отдыхал душой - «Я просто люблю на проспект Руставели Без всяких забот выходить». И дружил – надежно, навсегда. Одним из самых близких ему людей стал Георгий Леонидзе.

«Незабываемые дни и вечера» в Цхнети Тихонов проводил с семьей Леонидзе и их друзьями – Аполлоном и Магдой Бжалава и их дочкой Наночкой. Впрочем, семья Леонидзе и Бжалава не только дружили, они были родственниками – Георгий Николаевич был крестным отцом маленькой Наны. Стоит вспомнить, что в конце 30-х годов прошлого века крестины были делом опасным, люди зачастую не решались даже просто зайти в церковь – это могло иметь далеко не безобидные последствия. Поэтому во время крещения Леонидзе стоял в дверях церкви, лишь показался батюшке, но так и не переступил порога, а рядом с Наночкой находилась его супруга Эфемия Гедванишвили.

В доме Георгия Леонидзе на, как их называли, «цхнетские ночи» собирались замечательные люди – Симон Чиковани, Ладо Гудиашвили, Карло Каладзе, Верико Анджапаридзе, Софики Чиатурели, Нита Табидзе... Всех не перечислить. Атмосфера была чудесная – звучали стихи, романсы, играла музыка.

А любимицей Николая Тихонова стала тоненькая прелестная Нана. Она без труда завоевала его сердце и осталась добрым другом на многие-многие годы. Казалось бы, ну что это за дружба между шестилетней малышкой и тридцатитрехлетним популярнейшим русским поэтом – гусаром, учеником Гумилева, «серапионовым братом»? Да самая настоящая. Они вместе гуляли, играли, рассказывали друг другу небылицы и правдивые истории. И как-то Тихонов в шутку даже сказал Магде Бжалава: «Ваша дочка меня соблазнила, как Ева Адама». Он просто очень полюбил девочку. У супругов Тихоновых не было детей... Порой Николай Семенович даже нянчился с Наной. В прямом смысле слова. Один такой случай имел

последствия, ставшие фактом истории литературы.

Как-то раз, это было в один из летних дней 1939 года, все разъехались из Цхнети по делам, Тихонов с Наной остались вдвоем на весь день, и Николай Семенович трогательно ее опекал. Девочка показала старшему другу свой альбом, куда клеивала картинки, изображавшие зверей и птиц. Под вечер Нана уснула, а утром ее ждал сюрприз – к каждой картинке Тихонов сочинил стихи. Альбом теперь был озаглавлен «Зоосад в Цхнети. Сочинение дяди Коли Звериненко» и начинался так: «Смотрика, Нана, как я рад: Открылся в Цхнети зоосад!» Потом – «Петух позвал лисицу в гости – от петуха остались кости», «Я до старости щенок – У меня 2 пары ног – Чтoб никто догнать не мог»... Ну и так далее. Но сюрприз не удался. Девочка не на шутку расстроилась и горько плакала – ей «испортили» альбом. Успокаивал ее дядя Гогла: «Сохрани этот альбом, и когда вырастешь, поймешь, что тебе сделали очень дорогой подарок». Так и случилось - альбом в семье Бжалава по сей день хранится как реликвия.

А через некоторое время Тихонов прислал Нане фотографию своего кота Лариона со стихами «Издалека прибыл он – Кот зверинский Ларион, Самый чудный кот на свете – Он гуляет нынче в Цхнети». Фото Лариона вместе со стихами было вклеено в альбом.

В 1947 году Николай Тихонов вновь приехал в Тбилиси. Поэт не забыл свою маленькую подругу. Родители Наны устроили застолье в честь дорогого гостя, и дом Бжалава наполнился любимыми голосами, песнями, стихами... Нана к тому времени уже играла на фортепиано, и для нее было честью сыграть для великих поэтов. Просмотрел Тихонов и альбом. С грустью, потому что его любимый кот Ларион умер в блокаду от голода... В альбом были вписаны новые стихи:

«Моему нежному другу Нане. Вторая прогулка в сад через семь лет.

Что делать, милая моя,
Я сед и хмур, пишу стихи я,
Люблю грузинские края,
Где все – восторг и все – стихия.
Я рад, что в сердце нету мрака,
Что жизнь Курой кипит вокруг,
Что я хоть старая собака,
Но юной Наны верный друг.

11 июня 1947 год».

...Ничего не поделаешь, мы рождены для потерь и обретений. Это и есть жизнь. «Меня всю жизнь окружали любимые и любящие люди», - говорит Нана Аполлоновна Бжалава, известная пианистка, заслуженный педагог Грузии. Говорит с горечью, и это, увы, понятно. Ее потери тем более тяжелы, что она теряла любимых и любящих. Но вот она начинает рассказывать о родителях, муже, детях, друзьях, и я поражаюсь ее улыбке – такой солнечной.

Ее мама, Магда Хаханашвили, родилась в Цхинвали, в родовом поместье отца, знаменитого врача. Училась в Тбилиси, окончила гимназию, театральный институт, стала актрисой. Получила известность как Магда Месхи – это фамилия ее первого мужа, которую она сохранила для сцены. Работала в Театре Руставели у Сандро Ахметели. Но когда спектакль «Разбойники» с ее участием увидел руководитель Театра мюзкомедии Михаил Чиатурели, то категорически заявил, что ее место – именно в его театре. И Магда перешла в мюзкомедию. Она была яркой, интересной актрисой, прекрасно пела и танцевала. К тому времени она вышла замуж за экономиста Аполлона Бжалава. Родился первенец – девочка. В 1930 году Театр мюзкомедии отправился в Москву на гастроли. Магда взяла с собой годовалую дочку. В поезде малышку угостили арбузом, и у нее началась кровавая дизентерия.

Гастроли шли успешно, прервать их было, видимо, невозможно, и мама играла. А девочка болела. И умерла. Театральное дело может быть невероятно жестоким, если отдаешься ему целиком... Нана Аполлоновна рассказывает, что отец, встречавший семью на вокзале, узнав о трагедии, едва не обезумел от горя и готов был прикончить жену. Но та сама была в шоке, и несчастный отец сжалился. Магда надолго оставила театр. Шло время, с горем понемногу свыклись, и она снова вернулась на сцену, работала в Театре санкультуры. А в 1933 году родилась Нана.

Мама пела ей все время, отец тоже был очень музыкален, и с малых лет девочка всегда напевала и стремилась что-то подбирать на пианино... «Я вспоминаю свое детство только в сопровождении стихов и романсов, - говорит Нана Бжалава. - Тогда все пели. Именно пели, а не орали и не тявкали, как сейчас». Перед войной, в 1940 году, девочка поступила в музыкальную десятилетку для одаренных детей. Ей было 7 лет, и на вступительный экзамен она пришла с куклой. Получила самые высокие баллы. Училась прекрасно. Ее фото как отличницы учебы даже было опубликовано в газете «Московская правда». Первым ее педагогом стала Сусанна Элиава-Габуня, которую и сегодня Нана Аполлоновна вспоминает с теплом и благодарностью. Во время войны учащиеся в составе творческой бригады давали выездные концерты в воинской части в Навтлуги. В их числе была и маленькая Нана. В 1943 году вернулся с фронта отец – участник страшных боев под Керчью. Вернулся инвалидом. Но главное – живым.

Нана окончила десятилетку и легко поступила в консерваторию. Занимались в консерватории серьезно и с радостью. Наверное, в этом и есть счастье – жить, учиться, работать с наслаждением.

Я слушаю Нану Аполлоновну и убеждаюсь, что, к сожалению, тривиальная формулировка «вот в наше время...» перестала быть уделом пожилых ворчунов. Она на-

Нана Бжалава

▲ Юбилей Георгия Леонидзе

полнилась реальным содержанием. Древнее китайское проклятие «чтоб тебе жить в эпоху перемен!» мы испытали на себе. «Век вывихнут, век расшатался», поколения раскололись на глазах. Исчезает интеллигенция, и совсем скоро, если не уже, придется объяснять молодым, что означает понятие «интеллигент». Конечно, смешно идеализировать прошлое, глупцы и подлецы – явление вечное, а советские глупцы и подлецы были страшны вдвойне. И все же в те недавние времена были, например, немыслимы, невозможны фразы «это твоя проблема», «ничего личного, только бизнес»... Сейчас эти слова – в порядке вещей. Выгодничество, снобизм, оголтелый карьеризм всегда считались дурным тоном и выбором неинтеллигентного человека. Сегодня – они правила жизни.

- Нана Аполлоновна, вы и ваши друзья были бесребреники?

- Абсолютные.

- А что ценили в жизни больше всего?

- Порядочность, преданность, искренность, доброту...

- Чего хотели, о чем мечтали?

- Нам ничего не нужно было. Каждый понедельник в прокат выходил новый фильм. И во вторник мы уже играли музыку из него – собирались в аудитории консерватории и подбирали мелодии по слуху. Из «Серенады солнечной долины», «Большого вальса», «Сестры его дворецкого». И были счастливы. Понимаете, я не хочу осуждать нынешних молодых музыкантов. Но они не играют, а работают. Родители вкладывают очень много денег в детей – репетиторы, репетиторы... И хотят получить отдачу. Поэтому в молодых много какой-то сосредоточенной ожесточенности, желания обязательно быть лучше другого... А мне хочется побольше музыки. В наше время были индивидуальности. Конечно, и сейчас есть замечательные молодые музыканты, но самостоятельных дарований почти нет.

Нана окончила консерваторию блестяще. «На выпускном экзамене я играла Баха, Бетховена, Шопена и Рахманинова, - вспоминает она. - Зал переполнен. Нас слушает великий Гольденвейзер. Заканчиваю первую часть Второго концерта Рахманинова – овация. Ухожу со сцены, и вдруг меня останавливает ректор консерватории Иона Туския: «Пожалуйста, сыграйте вторую часть, ваше исполнение очень понравилось Александру Борисовичу». Играю вторую часть. Затем третью. А это океан музыки. И еще большая овация. Публику приывают

к порядку – на экзаменах аплодировать запрещено... Не помня себя, бегу по лестнице, встречаю Гулбата Торадзе, он шутит: «Ну что, срезалась?» Заперлась в туалете, умылась, успокоилась и вышла уже гордая... Иду, и тут меня подзывает мой педагог – профессор Тамара Чхартшвили. А рядом – сам Гольденвейзер. И он ей говорит: «Большое спасибо за отличную работу и за эту прекрасную девочку». И целует меня. До сих пор не могу поверить, что это было со мной».

По окончании консерватории Нана Бжалава работала концертмейстером в консерватории и преподавала в первом музыкальном училище по классу фортепиано. Ей советовали поступать в аспирантуру. Но она... вышла замуж и целиком ушла в семью. В аспирантуре учился супруг.

Муж Наны, Валерий Стражевский, – потомок польских переселенцев в Грузию.

Вообще, на грузинскую землю поляки попадали в первое время не по своей воле. Поначалу это были люди, которые оказывались в ссылке за участие в польском восстании 1831 года. Потом в Польше случались очередные заговоры, за участие в которых подпольщиков также ссылали на Кавказ. Это были, в основном, представители интеллигенции, высокообразованные интеллектуалы. В Грузии сама собой складывалась польская среда, которая пополнялась не только потомками ссыльных, но и вновь прибывающими – инженерами, учеными, строителями, юристами, купцами, промышленниками. На Кавказе, который очень быстро развивался, они получали больше возможностей применять свои знания. Они строили Тифлис, Баку, кавказские железные дороги. Многие из них остались здесь навсегда, и Тбилиси стал крупнейшим на Кавказе местом компактного проживания поляков.

Мужчины из рода Стражевских, первые из которых прибыли в Грузию в 1866 году, всегда женились на грузинках – Гегелашвили, Джавришвили, Бжалава, Орджоникидзе...

Нана и Валерий поженились в 1959 году. Друзьями дома Бжалава-Стражевских были скульптор Мераб Мерабишвили (кстати, автор памятника Грибоедову в Тбилиси), кинорежиссер Мераб Джалиашвили, режиссер-документалист Котэ Кереселидзе, композитор Гия Канчели, дирижер Гиви Азмайпарашвили, ученый и государственный деятель Евгений Примаков... С двумя последними Валерий дружил с детства – они выросли в

одном дворе на Ленинградской улице. Вскоре родились дети – Дато и Нана. Став мамой, Нана Аполлоновна не раз читала детям стихи Тихонова из своего альбома. И теперь давно знакомые строчки оценила словно бы заново. Так появилась идея эти стихи опубликовать. Нана написала поэту – попросила разрешения на публикацию. Николай Семенович откликнулся сразу. В письме от 29 ноября 1962 года он писал: «Милая Нана! Мне было необыкновенно приятно получить такое письмо, в котором все сразу – и воспоминания о прекрасных днях прошлого, и новое ощущение взрослой Наны, у которой у самой дети и, наверное, красивые, как мама, и предложение, настолько необычное насчет моего зоологического сада, что я несколько раз перечел письмо, чтобы удостовериться, что я читаю и понимаю правильно. Я очень рад узнать о судьбе той маленькой девочки, которую я развлекал в Цхнети и которая потом играла мне и Леонидзе, как настоящая музыкантша. Я и сейчас храню ее карточку, где Нана играет». Поэт попросил прислать ему тексты стихов - «бросить на них взгляд», чтобы его «совесть поэтическая была спокойна». В следующем письме он пишет: «Милый друг, дорогая Наночка! Стихи я прочел, если есть желание их печатать – я согласен! Я горжусь, что эти стихи вошли в семью и нравятся юным потомкам». И завязалась переписка, которая продолжалась до последних дней жизни Николая Тихонова.

А в 1966 году Нана с мужем встретились с Тихоновым в тбилисской гостинице «Интурист». В том году поэт стал лауреатом премии имени Шота Руставели, Героем Социалистического Труда (а в следующем, кстати, получил Ленинскую премию). До утра просидели за столом с крестьянским сыром, зеленью, грузинским хлебом и любимой поэтом «Хванчкарой». Тихонов читал стихи Пало, Тициана, свои собственные... А потом с нарочитым грузинским акцентом шуточно обратился к своему новому знакомому – мужу Наны: «Вы, мой дорогой, никакой не Валерий Стражевский. Вы – Володия Стражишвили».

Следующая встреча состоялась в 1976 году. Нана и Валерий были в Москве, позвонили Николаю Семеновичу, и он пригласил их к себе в Переделкино. Гостей поразило, что стены были сплошь увешаны портретами грузинских друзей поэта и фотографиями с видами Грузии. Николай Семенович рассказал, что собрал огромный материал о Грузии, и, как только выберет время, представит читателям много нового и интересного. Попрощались до новой встречи. Но следующая встреча, к сожалению, не состоялась...

В семье Бжалава-Стражевских хранится 47 писем Тихонова. Они личного характера, но наполнены любовью к Грузии, как и его знаменитые «Стихи о Кахетии», «Стихи о Грузии», «Грузинская весна». «Он не просто любил Грузию, - говорит Нана Аполлоновна. - Он боготворил

▼ С супругом и детьми Наной и Дато

▲ С супругом Валерием Стражевским и внуками

ее, сходил по ней с ума. Это я знаю точно».

В своей «Автобиографии» (сборник «Советские писатели. Автобиографии в двух томах», 1959 г.) Георгий Леонидзе писал: «Тихонов не только отлично понимает, но он всем своим творчеством буквально врос в нашу жизнь, как пламенный ее соучастник.

Мне в этом крае все знакомо,
Как будто я родился здесь...

Тихонов воспел Тбилиси, Рустави, Храмгэс, тучную кахетинскую землю, горы Сванетии, чайные плантации... Мне вспоминается процесс возникновения стихотворения «Радуга в Сагурамо». Ранней зимой я пригласил Тихонова с женой в Сагурамо. Стоя на балконе дома Ильи Чавчавадзе, мы вели разговор о поэзии. Вдруг с севера я заметил радугу, появившуюся над Ердойскими горами, и шуточно обратился к дорогим гостям: «Вот я, как гостеприимный хозяин, организовал вам радугу». Смеясь, мы вскоре покинули Сагурамо. На этом и кончилась вся история, но потом, к моему удовольствию, я прочел изумительное стихотворение:

Она стояла в двух шагах,
Та радуга двойная,
Как мост на сказочных быках,
Друзей соединяя.
И золотистый дождь кипел
Среди листвы багряной,
И каждый лист дрожал и пел,
От слез веселых пьяный.
...И этот свет все рос и рос,
Был радугой украшен,
От сердца к сердцу строя мост
Великой дружбы нашей.

Н. Тихонов – именно один из строителей этого моста «великой дружбы» от «сердца к сердцу».

А первая и единственная книга детских стихов Николая Тихонова «Зоосад в Цхнети» все-таки была издана. Она вышла в свет в издательстве «Мерани» в 1989 году. Поэт ее не увидел. Он скончался 8 февраля 1979 года в Москве.

Сегодня смысл и радость жизни Наны Бжалава, как и всегда, составляет семья, ближний круг. Дочь Нана, внуки Нино и Сандро – дети сына Дато, невестка Лика. Пять лет назад Дато трагически ушел из жизни. Недавно не стало Валерия Стражевского... «Вы не удивляетесь, что я еще живу?» - с горечью спрашивает Нана Аполлоновна.

Нет, не удивляюсь. «Бжа» в переводе означает «солнце», а «бжала» - «светлый, солнечный». Соответственно, все, кто носит фамилию Бжалава, - дети солнца. А в то, что солнце может погаснуть или исчезнуть, верится с трудом.

Да продлится этот свет...

Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ

УШЕЛ ВОЛШЕБНИК

- Кого хоронят?
- Волшебника.

Диалог на улице

Слово вырвалось само собой, но я не стала его исправлять, а встречающая женщина не переспросила. Поглядела на меня, на тихую очередь в театр с портретом у входа – и, видимо, поняла. День был туманным, печальным; провожали Петра Фоменко.

13-е число оказалось для него знаковым.

13 июля ему исполнилось 80 лет. Справлять юбилей он не стал – не любил подобных торжеств, да и был весьма нездоров. Решили отмечать осенью, даже дату назначили – 4 сентября; «фоменки» готовились к капустнику. Но 9 августа стало для него роковым, а 13-го с ним прощались в Новом здании его Мастерской, при великом (неожиданном в эту летнюю пору) стечении народа. В те же дни к нему присоединился Петр Капица, и два Петра, два столпа культуры, отправились туда вместе.

Похороны прошли без сутолоки, без пафоса и истерик, без всякой официозности. Многие могли сказать этот поток людей на три с лишним часа, их проход через сцену в особом, неспешном ритме и зрительный зал, где друзья, коллеги и театралы (иные слетелись из отпусков) заполнили весь партер, стояли тесно по стенам. В воздухе витало настроение значительной и личной потери. Его почитали, конечно, но любили не как далекую звезду, не как кумира, а нежно, с улыбкой и восхищением: Фома...

Дух театра и гений его, как сказано в песне Юлиа Кима.

Последние 20 лет были для него счастьем – свой театральный дом, Мастерская Петра Фоменко; своя семья из выращенных, выпестованных им «фоменок»; любимейший театр Москвы. Черета удивительных спектаклей, где он, ни разу не повторившись, вел свою линию, свою программу: театр, легко и властно

сплавленный с жизнью; непостижимая смелость решений при прочном фундаменте классики; мощный диктат режиссера – при культе автора и актера. Впрочем, это было в нем всегда, изначально, но теперь, в Мастерской, очертило лицо театра. А до того театральная судьба его была странной, жестокой и прихотливой и будто испытывала его на прочность. Стоит вспомнить, пожалуй, вехи этой судьбы – ведь последний, счастливый ее период словно оттеснил остальное.

Вспомнить, как у молодого, брызжущего талантом человека с тремя образованиями (музыкальное, филологическое, театральное) начались его странствия по городам и театрам. Как ярко он засветился в Москве 60-х, будь то «Король Матиуш I» в Центральном детском театре с фирменным фоменковским сочетанием горечи и игры или остро гротескная «Смерть Тарелкина» в театре им. Маяковского, после чего начались, по слову Фоменко, *мытарства* – запреты спектаклей, репутация опасного режиссера. Репутация подтвердилась в Ленинграде, где не дошла до премьеры взрывная «Новая Мистерия-Буфф». В начале 70-х он укрылся (как многие русские до него) в Грузии и поставил два спектакля в Тбилиси, в Грибоедовском театре – в юбилейном альбоме к 160-летию грибоедовцев это отражено.

Тбилиси – удивительный город. Он вооружил меня другим воздухом, другим ритмом, - вспоминал Фоменко. И надеялся: *Я уверен, что какой-то особый дух никогда из Тбилиси не искоренится...*

В 70-е он обрел, казалось, свой театральный дом в Ленинграде, в театре Комедии, словно наследуя Акимову. Ставил много, разнообразно, но не удержался и с начала 80-х вернулся – теперь уже навсегда – в Москву. И началось его московское восхождение...

Он выпустил ряд спектаклей, ставших театральной классикой – «Плоды просвещения» в театре им. Маяковского, «Без вины виноватые» и «Пиковая дама» у вахтанговцев и другое, решая с видимой легкостью вечную проблему театра: как, не жертвуя ни толикой мастерства, «не отступаясь от лица», быть понятым и принятым всеми – труппой, коллегами, критикой, публикой? Придя «на раз» в другие театры, он не только ставил спектакли, но делал как бы прививку зрелости актерам – Олегу Меньшикову в «Калигуле», Константину Райкину в «Великолепном рогоносце», высвобождая их творческий потенциал, энергетику, их актерский масштаб.

С 80-х годов Фоменко – прежде всего педагог. Он ставил в ГИТИСе со студентами классику, пролагая им (и себе) путь далее к Пушкину и Островскому. Он приготовил театру целую плеяду режиссеров, из которых достаточно назвать только трех – Сергей Женовач, Иван Поповски, Миндаугас Карбаускис, - а их много больше. Выпустив в начале 90-х свой знаменитый актерско-режиссерский курс, он получил, наконец, право на свой московский театр – и родилась Мастерская, до поры неустроенная, бездомная, с конца 90-х обживающая подвал и только в 2008 году получившая Новое здание возле долгостроя Москва-Сити.

Вот так, с 1993 года, и длилось «семейное счастье» этой дивной компании, спаянной какими-то особыми, более чем родственными узами, не исключавшими, впрочем, открытость новым впечатлениям и новым людям. Фоменко не был одиночкой; в Мастерской ставили спектакли и ученики его, и близкий по духу и природе своей режиссер и педагог Евгений Каменькович. Щедрым и безбоязненным жестом Фоменко предоставил большую сцену «Эрмитажу» Михаила Левитина, чей театр подвергается реконструкции. Раньше других ощутивший острую потребность в молодежи, Фоменко и пополнял ею труппу, и приваживал к театру стажеров, и два стажерских спектакля – «Сказка Арденнского леса» и «Русский человек на randevу» - полноправно вошли в репертуар Мастерской. Идет, как говорится в науке, энергетический контакт поколений.

В режиссерском активе Фоменко за всю его жизнь – более шестидесяти спектаклей в России и за рубежом; из них – полтора десятка в Мастерской. Но надо сказать и о другой его ипостаси, помимо сцены, - об экране, телевидении и кино.

На ТВ: черно-белые, тонким пером набросанные семейные саги Толстого – и зрелищная мощь, богатство пушкинских историй («Выстрел», «Метель», «Гробовщик»). В кино: сага о войне, суровая и человечная – «На всю оставшуюся жизнь», и легкая, внутренне поэтичная «Почти смешная история». Привычная уже формула – «такой разный Фоменко» - всегда была справедлива и подтверждалась каждой его работой.

Чем будем удивлять? - великий театральный вопрос. Фома удивлял постоянно; предвидеть, что он сделает завтра, было попросту невозможно. Пушкинский «Триптих», где явлены были три стиля, три типа театра – и «Одна абсолютно счастливая деревня», где театральность лишь обрамляет земную и горестную историю. Постановка эпоса, как драмы, - «Война и мир», и перевод драмы в эпос – в подробной и долгой «Бесприданнице». И так далее – контрастам тут несть числа. А явленный нам недавно на телеэкране мэтр, не устаивая выглядеть таковым, пел песни и рассказывал байки, нимало не заботясь об имидже и удивляя несведущих тем, какой в нем был спрятан актер.

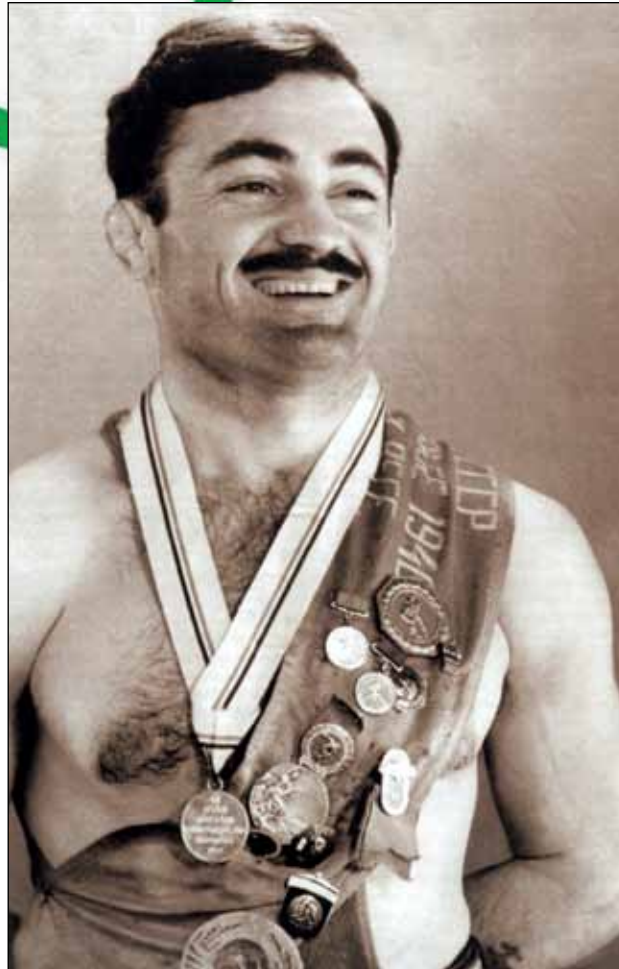
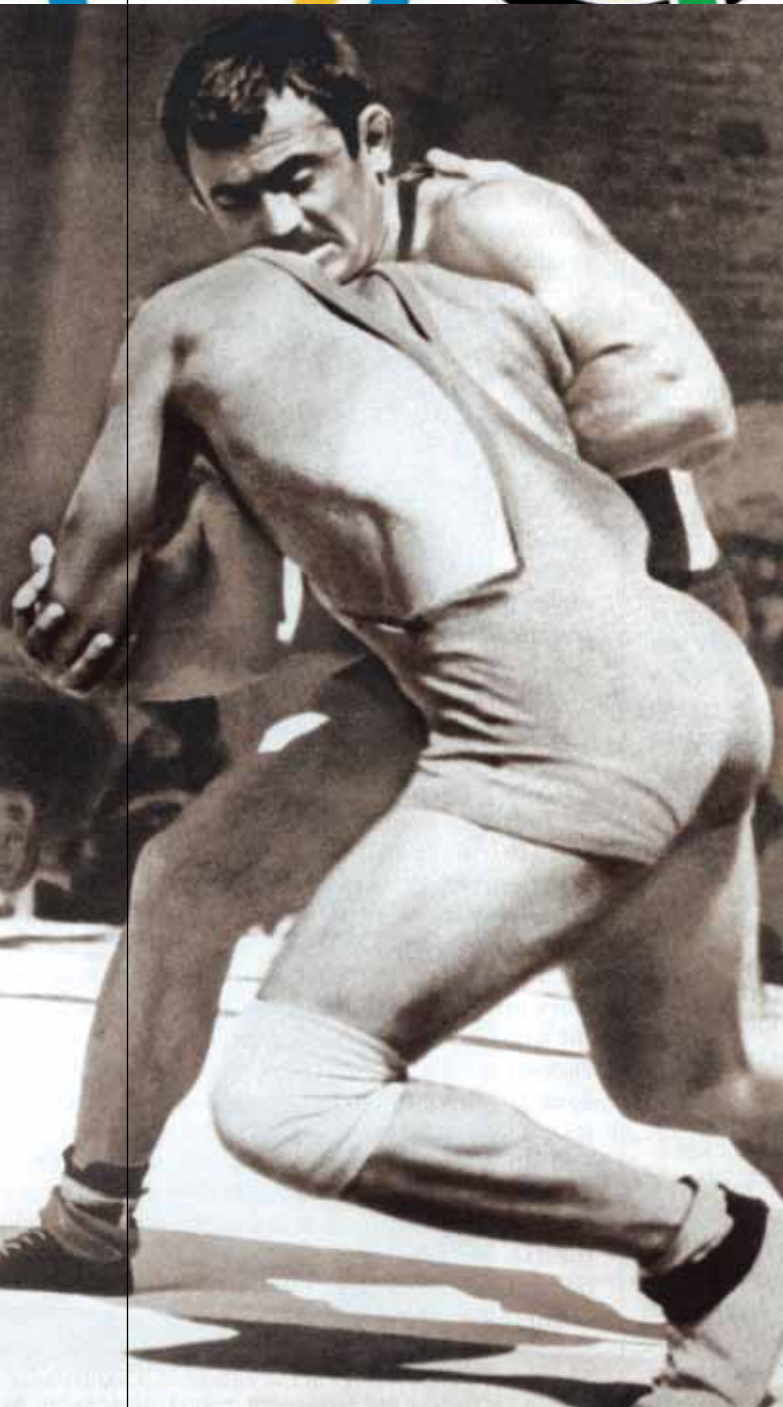

▲ Спектакли Мастерской Петра Фоменко

А что, собственно, удивляться, коль скоро он – дух театра, в чем в день прощания все могли убедиться? Над сценой на большом экране в стиле слайд-шоу сменялись портреты Фомы, снятые, видимо, скрытой камерой, по большей части на репетициях. В каждом – свой нрав и своя история, и пластика, мимика, темперамент его владельца. Лукавый и мудрый, угрюмый и вдохновенный, король и шут – старый мастер, живой настолько, что это не вязалось с печальной церемонией, оттеняло ее, переводило в какую-то иную тональность, не минора и не мажора, а чего-то особого, разном. И горечь не могла снять ощущения счастья, парадоксально соседствуя с ним – счастья от того, что мы знали его, что след его не сотрется.

Что он *был* – Мастер, Волшебник, Учитель.

Татьяна ШАХ-АЗИЗОВА

▲ Георгий Схиртладзе

ЧЕМПИОН ИЗ ЗАОБЛАЧНОЙ ВЫСИ

Он стоял на краю ковра и терпеливо ждал, когда Станчев войдет в круг и начнет бороться, как мужчина.

С самого начала Георгий неожиданно для всех отдал сопернику три балла, и теперь болгарин, зная силу грузинского борца, которому до этого раз за разом проигрывал, как мог тянул время. Схиртладзе организовал погоню за Николой, не давая ему передышки. Казалось, судьи снимут убегающего, спасающегося за ковром болгарина, чьи силы на исходе.

Станчев получает первое предупреждение, но это его не останавливает. За первым предупреждением за отказ от борьбы следует второе, наконец, третье.

Судья вызывает Гоги на середину ковра и объявляет победителем. Схиртладзе стоит, ошеломленный трудной победой, а болгарская команда подает апелляцию. И происходит удивительное – после долгого разбирательства судьи отменяют третье предупреждение Станчеву, схватка продолжается, и победа, в конце концов, присуждается борцу, которому удалось «убежать» с одним выигранным баллом.

«Очень меня раззадорила эта неудача в Мельбурне, - вспоминал Схиртладзе. - И дело не в том, что Станчев стал олимпийским чемпионом. С самого начала была нарушена справедливость».

Сказано запальчиво, с болью и сожалением, которое с годами не проходит и у самых сильных. Но отставим в сторону личную обиду, наши пристрастия и попробуем разобраться в стартовой сенсации. Такая ли она была неожиданная?

В олимпийском 1956 году Георгий Схиртладзе был очень силен, сокрушал всех противников – сильнейших

▲ Все пока молоды и готовы шутить - Вахтанг Балавадзе, Георгий Схиртладзе, Мириан Цалкаламанидзе, Гиви Картозия, Роман Дзнеладзе и Автандил Коридзе

средневесов-борцов вольного стиля, выиграл I Спартакиаду народов СССР, поединки в матчевых встречах. Его знали и побаивались. Но и хорошо изучили – манеру борьбы, тактику.

Не стал исключением и Никола Станчев. Выходя на первую схватку в Мельбурне, молодой борец не собирался стать мальчиком для битья, а потому с места в карьер атаковал Георгия, убаюканного прежними легкими победами (а олимпийские поединки не прощают малейшей недооценки противника), на первых же минутах провел бросок через спину, оцененный в три балла, почувствовал себя богачом и хозяином положения, когда все средства хороши и дозволены.

Проигравшему оставалось устроить новую погоню – за ускользающим от него турнирным счастьем, и Георгий Схиртладзе принялся за привычное дело – положил на лопатки следующих трех соперников, победил по баллам сильного турецкого борца Исмета Атли, серебряного призера чемпионата мира 1954 года, и пробился в финал.

С четырьмя штрафными очками, как и американец Дан Ходж, он мог рассчитывать только на второе место. Встретились они в шестом круге. Дан Ходж, тот самый, который четырьмя годами раньше на Олимпийских играх в Хельсинки проиграл на туше нашему олимпийскому чемпиону Давиду Цимакуридзе, всерьез настроился на золото. Сохранял на него иллюзорные шансы и Георгий. Но ему нужна только чистая победа. Их схватка проходила в ураганном темпе. Схиртладзе удается перевести Ходжа в любимый партер и прижать лопатками к коврику. Дело сделано – уже есть олимпий-

ское серебро. Арбитр на ковре дает команду, и Георгий отпускает захват. Но боковой судья подает сигнал, что не видел туше, и, странное дело, с ним соглашается руководитель ковра.

А как быть с мнением рефери, который стоял рядом на коленях, все видел и зафиксировал туше?

Так у Гоги Схиртладзе второй раз в Мельбурне отняли победу.

Поднятый судьей в стойку, он, стремясь к чистой победе, атакует американца броском прогибом с обвивом ноги, и тот летит на ковер, но проигравшим объявляют его, Схиртладзе, дескать, бросок был низкий, и атакующий во время проведения приема коснулся спиной ковра. Как на этот раз «прозрели» судьи и разобрались в мгновенно меняющейся ситуации, осталось загадкой. Увидеть туше после стойки куда сложнее, чем в партере, где действия развиваются, как в замедленной киносъемке.

Но с судьями не спорят. У Георгия Схиртладзе – третье место и бронзовая олимпийская медаль.

Американцу путь к золоту преградил Никола Станчев. С четырьмя штрафными очками (во втором круге он чисто проиграл японцу Кадзуо Кацурамото) болгарин одержал кряду четыре чистые победы, в том числе и над Даном Ходжем. Но и серебро, так неожиданно свалившееся на голову американца, счастья ему не принесло. Проиграв самую главную схватку, он обиделся на судьбу и в двадцать семь лет навсегда ушел из борьбы в бокс, выиграл престижный приз «Золотые перчатки», стал чемпионом США. Больше его на борцовских соревнованиях не встречали.

▲ Заслуженные мастера спорта Георгий Схиртладзе, Гиви Картозия, заслуженный тренер СССР Дмитрий Миндиашвили

Так свидетельствовал Георгий Схиртладзе, один из выдающихся грузинских борцов, за которым, тем не менее, даже в годы наивысшей спортивной славы закрепились репутация невезучего чемпиона. Пострадал он сильно не только из-за судейской несправедливости. Судите сами. В 1960 году на Олимпиаде в Риме на первых минутах схватки как-то беззаботно отдал один балл американцу Эдварду де Витту, борцу средней руки, позволив сбить себя на ковер. В дальнейшем Георгий, несмотря на все старания, не смог изменить ход поединка в свою пользу. Де Витт старательно построил схватку, чтобы не дать сопернику использовать свое превосходство при борьбе в партере, где уйти от его страшных захватов было невозможно. А ведь товарищи по сборной и он сам имели все основания видеть Схиртладзе олимпийским чемпионом.

«До сих пор не могу себе простить эту промашку», - сказал он мне при встрече.

Эдвард не бегал по коврику, очень грамотно толкался, но борьбой его действия не назовешь. Проиграл Гоги встречу и после победы по очкам над представителем Индии Мадхо Сингха вышел в полуфинал, как и швед Ханс Антонссон. Их схватка закончилась вничью. У Георгия серебряная медаль, у шведа – бронзовая.

А где же Эдвард? Американец больше подвигов не совершал. Он проиграл немцу Георгу Утцу и будущему олимпийскому чемпиону турку Хасану Гюнгеру и был только четвертым. Победитель Олимпиады не мог пожаловаться на невезение. С серебряным и бронзовым призерами соревнований он, счастливчик, не встречался.

Гоги привел в спортивный зал двоюродный брат Ладос, сам в прошлом борец и друг выдающегося грузинского тренера, чемпиона СССР 1949 года по вольной борьбе Шалвы Нозадзе, участника восстания грузинского батальона на голландском острове Тексель (Тессел), кстати, наставника вице-чемпиона Токийской олимпиады и двукратного чемпиона мира Гурама Сагарадзе.

«Сильный парень, говоришь? - переспросил Шалва Иванович. - Пусть покажет себя в борьбе».

Очень повезло Георгию с тренером. «Он в малых ве-

сах боролся, - вспоминал потом, - но когда брал меня, средневеса, за кисть, вырваться было очень трудно... Всегда негромко разговаривал. Никогда не кричал на нас».

Это тепло человеческого обаяния особо согревало детей военной поры.

Детство Георгия пришлось на сороковые, когда в рачинском селе Мтискалта остались одни старики, женщины и дети. Мужчин забрал фронт, и работать надлежало всем. 10-летний Гоги и его два брата, близнецы Иракли и Гела, те на пять лет старше, и планы у них взрослые, не как у него детский, который таковым тоже не назовешь.

Братья Схиртладзе, а на эту фамилию отзывалось все село, 120 семей, заготавливали сено для скота. Косили траву, собирали, грузили на подводу и отвозили в колхоз. Сами распределили свои трудовые обязанности, по возрасту и физическим кондициям. 60 тонн в месяц на троих – задача, непростая для мужчин. А тут дети.

Так работал Георгий четыре года войны. Косьба, рубка леса, мотыжение в поле – лучший спорт, правда, без зрителей. Через пару лет в умении косить он превзошел старшего брата.

Четыре года закалки тела и духа. В высокогорном селе, взметнувшемся на 1800 метров, с этой орлиной высоты видна Рача, Онский район, села далекие и близкие, и Амбролаури.

Стоило ли после этого удивляться, что на протяжении всей своей блистательной спортивной карьеры призер двух Олимпийских игр, чемпион мира и четырехкратный чемпион СССР (1954, 1956, 1957, 1960), победитель Всемирных студенческих игр (Чепель, Венгрия, 1954), международных турниров Георгий Схиртладзе не занимался специальной физической подготовкой? Сила наполняла его с детства, его могучий торс, втискиваемый с трудом в тесную куртку самбиста или чоуху. И долгов на ковре никому не прощал, брал убедительный реванш у любого, будь то олимпийский чемпион или чемпион мира.

Первую серьезную заявку на звание сильнейшего средневеса страны Георгий предпринял в далеком

1953 году на всесоюзном первенстве в Тбилиси, в родных стенах. Тогда только необъективность судей не позволила хозяину ковра, недавнему перворазряднику, добиться желанной цели. Чемпионом СССР стал опытный киевлянин Николай Комов, мастер борьбы в партере. Схиртладзе – второй. Несправедливость была настолько явной, что через год Комов привез в Венгрию, на Всемирную универсиаду, незаслуженно выигранную золотую медаль и повесил на шею Георгию со словами: «Эта медаль – твоя!» В том 1954 году Схиртладзе подтвердил свои лидерские амбиции – стал чемпионом Советского Союза в Ленинграде. В схватке с олимпийским чемпионом Давидом Цимакуридзе счет был ничейный (2:2). Но судьи дали победу Схиртладзе, который был активнее. В финале он победил Сергея Преображенского, выдающегося советского борца и тренера, воспитателя чемпионов. Преображенский вышел на пятое место, а Комов – только шестой.

«А чемпионом мира я все же стал, - вспоминал Георгий Схиртладзе. - В 1959 году в Тегеране, на родине чемпиона мира Наби Сорури. На предыдущем «мире», двумя годами раньше, он у меня выиграл, опять же не без помощи со стороны. Но в этот раз я был сильнее – трижды бросал чемпиона, и каждый раз судьи «не замечали» туше. В конце концов объявили мою победу по баллам. Присутствовавший на встрече шах Ирана в гневе покинул спортивный зал, а Сорури с грузом штрафных очков выбыл из турнира. В финале я победно отборолся с венгром Гезой Холлоши и, помня горькие уроки, отдал все умения и силы – мой соперник оказался на мосту в критическом положении и чудом унес ноги от поражения на туше. Эта схватка так нас обоих измотала, что я только с помощью нашего полутяжеловеса Бориса Кулаева смог добраться до раздевалки».

Но главное сделано – Георгий Схиртладзе чемпион мира!

Почти все деньги ушли на телеграмму отцу, очень он переживал за сына. Однажды Георгий услышал, как он говорил матери: «Неужели Гоги так и не станет чемпионом мира? Зачем же тогда занялся этой страшной работой?»

Ушел из жизни старый Серго, утешенный и обласканный великой победой сына. В том же 1961 году Гоги, потеряв своего самого верного почитателя, расстался со спортом в 28 лет, в ореоле славы, заслуженный мастер спорта СССР и бессменный участник советской сборной команды борцов-вольников.

Вспоминаю нашу первую личную встречу с Георгием Схиртладзе. У него был магазин на углу улиц Челюскинцев и Клары Цеткин по соседству с Управлением Грузинской железной дороги. С какими-то крепкими и надежными товарами, как сам хозяин, получивший два высших образования – спортивное и экономическое. Покупателей здесь что-то не помню, но зато было чисто, светло и много солнечного воздуха в этом помещении с высоким потолком. И, как видно, хорошо знакомые ему здоровяки, которые, оторвав взгляд от диспозиции шашек на доске нард, смотрели с интересом и доброжелательно, как и подобает сильным людям.

Я тогда принес чемпиону свой газетный материал о нем, было интересно узнать его мнение. Мы вышли в просторный двор. Георгий Сергеевич открыл ключом какую-то дверь, и мы уселись за стол в помещении, мало напоминающем служебный кабинет большого начальника. Я читал вслух рукопись, он слушал внимательно и не перебивая, не добавляя и не убавляя ни слова, а потом сидел молча, под впечатлением от услышанного, от нахлынув-

▲ Одно из последних фото

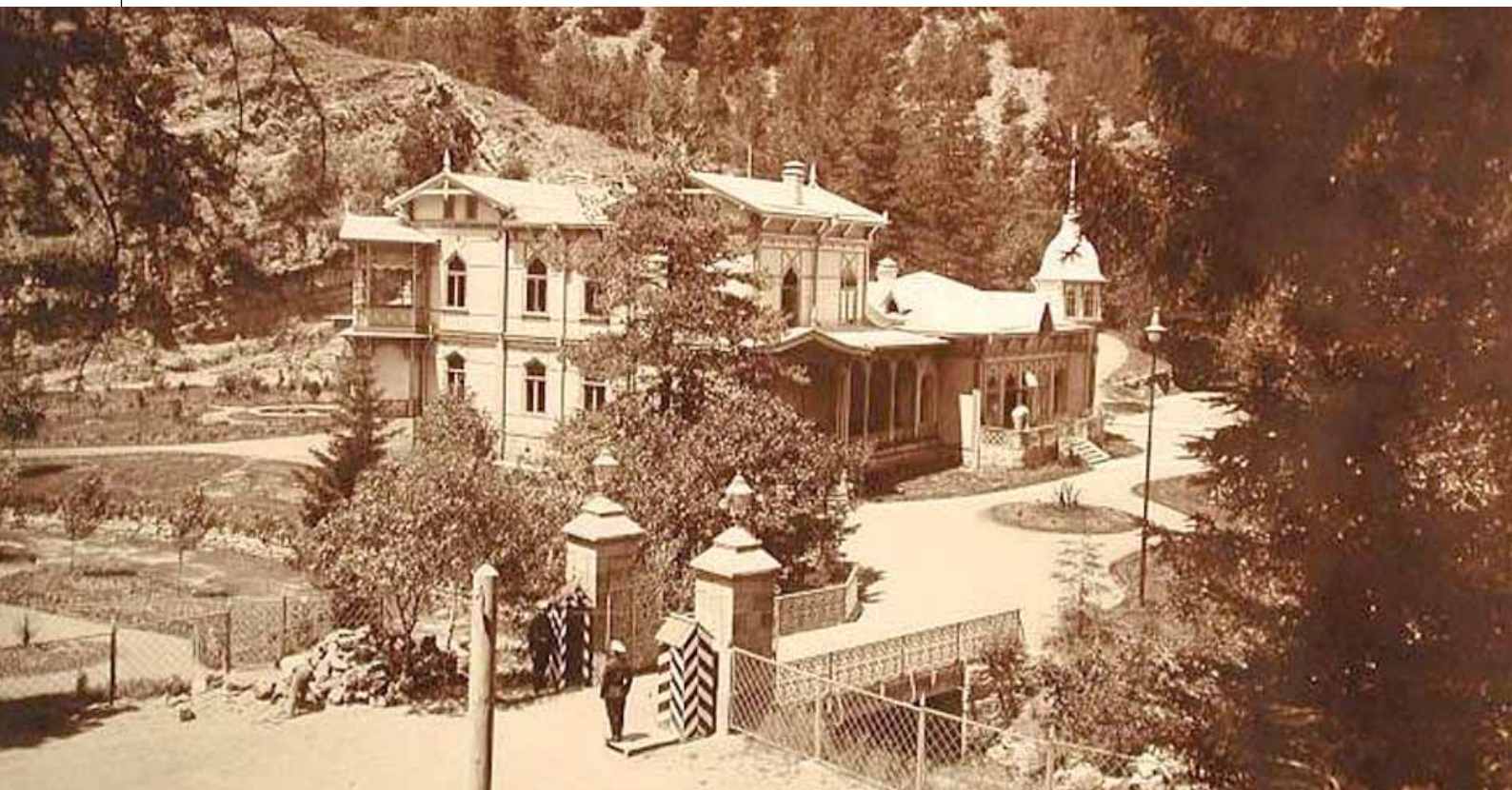
ших воспоминаний о прожитой жизни, обычно печальных, а его – тем более. «Откуда он знает все это обо мне?» - спросит он потом олимпийского чемпиона Хельсинки Чимишкяна, изумленный. Об этом мне позднее рассказал сам Рафаел Аркадьевич.

А тогда, услышав от меня свою историю о многотрудном пути борьбы и разочарований, спросил напоследок: «Чем я тебя могу отблагодарить за этот труд?» - «Вашим пребыванием в добром здравии и благополучии», - отвечал я, не задумываясь. - «Ты будешь моим другом», - сказал он как-то светло и хорошо, и я как мог оправдывал высокое и почетное звание, которым был неожиданно награжден. Потом принес в подарок свою книгу «Гром победы» с девяноста рассказами о спорте, где в компании 90 главных героев, чемпионов, представителей двадцати двух видов спорта, он был одним из самых почитаемых мною и заслуженных. Спеша на работу, я забыл у него лучший экземпляр книги, а он заботливо спрятал ее в ящик письменного стола и при встрече честно вернул.

Увидев его впервые на Арсеноба – дне памяти борцов – в начале 1990-х, Гурам Гедехаури, чемпион мира 1987 года по греко-римской борьбе, сказал с восхищением: «Какой сильный!»

Гоги Схиртладзе был легко узнаваем на улице – красивый в своей богатырской стати, сильный, как кражистый дуб.

Арсен ЕРЕМЯН

▲ Вид на дворец цесаревича Георгия Александровича в Абастумани

СВЕТ НЕБЕСНЫЙ

Нина наконец-то приехала в Грузию и была полна решимости посмотреть Абастумани, о котором знала по моим рассказам. Я обещала свозить ее в это волшебное место Месхети, показать как красоты моей родины, так и росписи Нестерова в Абастуманском храме, которыми была потрясена несколько лет назад и писала о них в журнале «Русский клуб».

Тогда же, в Абастумани, я познакомилась с игуменом отцом Максимом, настоятелем грузинского православного храма Александра Невского, который заразил меня любовью к этому краю и той эпохе.

Без отца Максима не было бы моих статей как о фресках Нестерова, так и о жизни в Абастумани цесаревича Георгия Александровича.

Я, в свою очередь, передала эту любовь моим читателям и Нине – подруге из Мурманска, с которой вместе учились в Ленинграде.

И вот мы в Абастумани.

Отец Максим встретил нас чуть дальше мужского монастыря. Когда я сказала водителю маршрутки, что мы едем в гости к отцу Максиму, он многозначительно ответил: «Я знаю, где вас посадить». Мы въехали в поселок Абастумани, утопающий в буйной хвойной зелени среди горных скал вдоль ущелья быстрой и шумной речки Оцхе. Сразу повеяло чистым горным воздухом, на склонах была видна голубая дымка сосновой пыльцы, которой обязан Абастумани своей славой климатического курорта. У монастыря, в котором отец Максим тоже служит настоятелем, я сказала: «Здесь, здесь...» На что водитель ответил: «Я же сказал, что знаю, где вас посадить... У дома Арчила».

Оказалось, отец Максим уже связался с водителем и наказал везти нас к дому своих прихожан. Я поняла, что мы уже в плену у гостеприимных хозяев, как и предполагается в Грузии. В приятном плену, когда не надо ни о

чем заботиться, а только радоваться всему и радовать своим присутствием хозяев. Для Нины это было неожиданностью, и не сразу приятной. Вся ее целеустремленность современного человека, да к тому же – северного, привыкшего бороться за место под солнцем в прямом смысле этого слова – разбивалась о мою беспечность, которую негрузинскому человеку трудно понять. Потому что здесь – если ты гость! – все делается без твоего ведома и усилий. Правда, в конце поездки Нина тоже прониклась грузинской беззаботностью и тоже была уверена, что все будет хорошо.

Так оно и оказалось.

Хозяева дома, куда нас поселил отец Максим, оказались замечательными. Арчил – высокий молодой мужчина с ясным лицом, Нана – худенькая, шустрая. Трое симпатичных детей. Мы разложили вещи, и, еще обалдевшие от езды по горному серпантину, сели за стол, который был объявлен как постный. Нина ахнула – такое изобилие: овощи, рыба, салаты, мчади, неизменное вино. И все такое свежее и вкусное. Фруктов на столе еще не было: в Абастумани они созревают позже – как-никак – горы...

Арчил не скрывал радости, что увиделся с человеком из России: есть возможность поговорить на русском языке. Он с удовольствием вспоминал студенческие годы в Москве и Таганроге.

Я спросила отца Максима о новостях. Он рассказал, что в местечке Джакисмани – высоко в горах, почти на границе с Турцией – начал функционировать их мужской монастырь и вероятно он свезет нас туда показать. У матушек в женском монастыре, расположенном в бывшем дворце цесаревича Георгия Александровича, все в порядке, и мы прямо сегодня можем навестить их.

«И я уже архимандрит!» - еще сообщил отец Максим, улыбаясь. Я не совсем разбираюсь в церковных чинах, но, кажется, это довольно высокий монашеский чин, к ко-

▲ Матушки Теодора, Зинаида и Февронья

торому следует обращаться «Ваше Высокопреподобие!» На что священник махнул рукой: «Просто – батюшка...»

Нина преподнесла отцу Максиму красивый северный сувенир – обрамленный поделочный камень в форме Кольского полуострова, где находится Мурманск. Нежная роспись на камне изображала Мурманский храм Спаса-на-водах, построенный в древнерусском стиле.

Она также привезла несколько экземпляров «Православной газеты» Мурманской епархии, внештатным корреспондентом которой является, рассказала об их недавнем паломничестве по православным российским монастырям.

Потом вручила отцу Максиму книгу архимандрита Тихона (Шевкунова) «Несвятые святые» – о монастырской жизни, в основном, Псковско-Печерского мужского монастыря и его старцев, сообщив, что в России эта книга – бестселлер, ее трудно найти в книжных магазинах: раскупают мгновенно. Может быть, сказала она, и отцу Максиму как настоятелю монастыря книга покажется интересной.

Батюшка начал с любопытством листать ее и вдруг воскликнул: «Отец Иоанн Крестьянкин!» И рассказал: как-то после перенесенной операции он открыл глаза, думая, что умирает. Над ним стояли святые отцы и страдальчески глядели на него. Один из них держал в руках какой-то пузырек и спросил: «Отец Максим, можно я помажу вас елеем отца Иоанна Крестьянкина?» Мне, говорит отец Максим, было все равно, и я еле слышно ответил – мажьте, чего уж там... И стоило только раз помазать, я смог вдохнуть воздух, после второго мазка мне уже захотелось есть... «Можно сказать, елей отца Иоанна Крестьянкина вернул меня тогда к жизни...»

Он с трудом оторвался от заинтересовавшей его книги, потому что Нина не закончила свой рассказ. Она ведь приехала с миссией. Оказывается, в городе Кандалакша Мурманской области собираются открывать храм святой Нины. Приход уже есть, сейчас собираются средства на строительство храма. И когда священнику прихода, отцу Силуану стало известно о предстоящей поездке Нины в Грузию, он просил разузнать о местах пребывания святой Нины в Грузии, привезти какую-нибудь церковную утварь, связанную с ее именем, а также выяснить возможность паломничества в Грузию на поклонение к святым местам.

При этом известии все пришли в волнение. Кандалакша! Край земли, Север! С какой стати – храм святой Нино? Но как это прекрасно! И как объединяет наши народы...

«Да вот, кстати! - сказал отец Максим. - Послезавтра, 1 июня – праздник Нинооба – день пришествия святой равноапостольной Нино в Грузию. Вам обязательно нужно побывать на праздничном богослужении, это будет рядом, в селе Арали... Литургию будет служить владыка Ахалцихский Теодор...»

Я с интересом наблюдала, как налаживается духовная связь Севера с Югом.

Пока мы обедали, началась гроза. Засверкали молнии, громыал гром, по абастуманским улицам побежали

▲ Храм Александра Невского

▲ Отец Максим

ручьи. Стало темнеть, но мы вооружились зонтами, и, невзирая на дождь, пошли гулять.

По случаю непогоды улицы были пусты, и довольно быстро мы дошли до храма Александра Невского. Обычно абастуманцы, завидев издали высокую худую фигуру отца Максим в черной развевающейся рясе, буквально бросаются к батюшке за благословением, и тот охотно накладывает руки им на голову. Поэтому его передвижение по поселку всегда очень медленное, хотя отца Максима это не смущает. Помню, когда он в первый раз повез меня к матушкам на джипе, приходилось поминутно останавливать машину, и в открытое окно тут же лезли курчавые головы, которые он благодушно осенял. Меня тогда изумило это зрелище.

Когда Нина позже увидела подобную картину, она тоже была удивлена: радостью, с которой люди кидались за благословением к священнику – с полной верой, что тот передаст их чаяния наверх, и радостью, с которой это благословение предоставлялось всем... «У нас в России такого нет, - с некоторым сожалением констатировала она. - Ну, могут подойти к батюшке, не все и не всегда, но чтобы так – со всех ног...»

Отец Максим показал нам дом напротив храма, к которому мы вскоре подошли. Там жил Нестеров. Вот так вот, выходил художник из дома и шел через дорогу рас-

▲ «Знамение» - знаменитая фреска Михаила Нестерова в Абастуманском храме

писывать храм. А росписи эти – на века...

Батюшка открыл ключом тяжелую дверь, и мы вошли в гулкое полутемное пространство.

Где-то щелкнул выключатель, и все вокруг осветилось. Храм весь был покрыт фресками. Они нежно сияли, переливаясь разноцветными красками.

Мраморная доска на стене гласила, что «сооружен сей святой храм во имя святого Александра Невского волею и иждивением Его Императорского Высочества цесаревича Георгия Александровича». Отец Максим напомнил историю строительства: второй сын российского императора Александра III Георгий внезапно заболел, врачи выявили у него «категорическую чахотку» и предписали жить в Абастумани, который славился своим лечебным климатом. Здесь цесаревич стал поправляться, обжился и полюбил этот край. Интересовался его историей, много ездил по окрестностям. Его поразили древний храм в соседнем селении Зарзма, и он решил построить в Абастумани такой же. Была куплена земля и в 1898 году храм был построен. «Наш храм по размерам получился чуточку меньше. Его называли тогда «маленькая Зарзма в Абастумани». Для росписи был приглашен тогда уже известный художник Михаил Нестеров, но цесаревичу не суждено было увидеть росписи. Художник завершил работу уже после его кончины».

Нестеров писал в своих воспоминаниях: «Каким-то неведомым, мистическим образом почти все наши великие поэты, начиная с Пушкина и Лермонтова, в Грузии открывали в себе что-то самое важное и дорогое». Наверное, поэтому он моментально отзывается на предложение расписать храм на далеком Кавказе, и пять лет жизни – с 1899-го по 1904-й – отдает Абастумани.

Но прежде по совету цесаревича Георгия Александровича художник осматривает грузинские церкви, которыми был невероятно впечатлен: «искусство Грузии – могучее, смелое, неувядающе молодое, подлинно народное».

В предстоящей работе Нестеров желал сохранить веяние грузинских мозаик и фресок, однако внес свое «лирическое волнение» в образы святых. Поэтому в абастуманской росписи мы видим глубокий лиризм, наполняющий канонические церковные сюжеты. Святые Нестерова преисполнены молитвенным сосредоточением,

искренним чувством.

Колористический план росписи тоже был оригинален: «покрыть Абастуманскую церковь тоном старой слоновой кости и по нему вести золотой сложный грузинский орнамент». Он так и идет по всей церкви. И, по словам художника, благодаря золотой инкрустации, церковь смотрится нарядной, «пасхальной»...

В левом боковом приделе Нестеров изобразил «Явление Богоматери Равноапостольной Нине», которая, вручив святой Нино крест из виноградной лозы, напутствовала ее на проповедь христианства в Грузии.

Изображение святой Нино есть и на пилоне храма, оно считается одним из выразительных образов. Когда моя подруга, задрав голову, с волнением стала разглядывать фреску своей небесной покровительницы, отец Максим преподнес ей в подарок небольшую иконку святой Нино. С ней мы и сфотографировались в храме.

Среди фресок с особой верой и любовью почитается образ Пресвятой Богородицы «Знамение» – с поднятыми руками, в традиционном жесте заступнической молитвы. Неудивительно, что он написан в алтарной апсиде. Ведь по христианскому преданию Богородица является символом православной Церкви, а Грузия есть удел Божьей Матери, страна, отмеченная ее особой заботой и присутствием.

По словам Нестерова, «Знамение» он написал по просьбе тогдашнего настоятеля Абастуманского храма и духовника цесаревича, Константина Руднева: «Там есть космос, вселенная; их высочеству понравится...» Цесаревич действительно любил звезды, он даже построил в Абастумани горную обсерваторию.

Когда оглядываешь весь храм, а Нестеров исполнил в храме пятьдесят восемь монументальных композиций, поражаешься. Как отмечал современник художника искусствовед С.Н. Дурьлин, «работы Нестерова в Абастумани по объему превосходят работы любого из художников, единолично и собственноручно трудившихся в русских храмах в 17-19 столетиях». И это правда. Только тогда это был русский храм, а с 1988 года, заново освященный уже с грузинской стороны, находится в ведении Грузинской Патриархии.

«Когда я стою на службе, - говорил отец Максим, - все время смотрю на Богородицу, и всегда утешаюсь».

«Знамение» стало и моей любимой фреской, и я вновь с волнением лицезрела нестеровский лик Богоматери. Можно долго сидеть на лавочке у входа и просто смотреть на нее, чувствуя, как глаза наполняются слезами. Необъяснимые чувства выражает этот безмолвный взгляд: вопрос, обращенный в глубину твоей души, нежнейшая тревога – все ли с тобой в порядке? И в тоже время – какая-то над-мирность, высота, до которой (понимаешь) тебе далеко, желание соответствовать этой любви, обращенной к тебе и только к тебе...

Уже совсем стемнело, а мы никак не могли уйти из храма, хотелось без конца разглядывать фрески. Отец Максим понимающе улыбался: «Все, кто приходит к нам в гости, сразу влюбляются в наш храм. Такая у него особенность. Тепло чувствуют, любовь... Я просто счастлив, что служу здесь. Ну, наверное, это от любви самого Георгия Александровича идет...»

В храмовом полу замурована мраморная плита. Тут захоронено сердце цесаревича. Оно сначала было предано земле, на месте его трагической кончины, а позже перенесено сюда. У плиты стоял подсвечник. Отец Максим принес нам с Ниной свечи, и первую я поставила над сердцем цесаревича.

Я была так взволнована фресками (в который раз!), что забыла свою сумочку, вспомнив о ней далеко от храма. Пришлось возвращаться. Мы смеялись: синдром Стендаля! У него под воздействием фресок во Флоренции забилось сердце, и он «шел, боясь рухнуть на землю...»

Мы с Ниной, правда, не падали, но все же – изумительная живопись Нестерова и глубина чувств его святых поражали в самое сердце.

Мы зашли в кафе наших знакомых. Подтрунивая над собой, постепенно отходили от потрясения и согревались горячим чаем в этот сумрачный день.

Мы хотели продолжить нашу пешую прогулку, но дождь не прекращался. Тогда отец Максим посадил всех в машину, и мы поехали в верхнюю часть Абастумани, где находится дворцовый парк и дворец цесаревича Георгия. В 1990-х годах комплекс был передан Грузинской Православной Церкви и там разместился женский монастырь имени Святого Пантелеймона-Целителя.

Во дворце я была несколько раз. И даже ночевала. Это летний деревянный дворец, построенный в стиле модерн в 1892 году, где Георгий Александрович жил под надзором врачей. В течение семи лет в Абастумани жили или посещали его члены императорской семьи, а также многие известные лица Российской империи. Внизу были залы – с великолепным интерьером, камином и дубовым паркетом. Над залом – стеклянный потолок-фонарь, по тогдашней моде. Наверху – покои Георгия Александровича, матери-императрицы, спальни для гостей. Жизнь цесаревича в Абастумани состояла из лечебных процедур, поездок по окрестностям в летнее время и учебы. Хотя Георгий Александрович и поправлялся в Абастумани, трагическая случайность оборвала его жизнь в 1899 году. Абастуманцы до сих пор помнят цесаревича как доброго и справедливого человека, несшего сюда любовь, культуру и цивилизацию.

Мы въехали через резные чугунные ворота и выскочили из машины под проливным дождем. Тут же забежали во дворец и внезапно оказались в старинных интерьерах. В зале приема было пустынно и тихо. Вышла послушница Екатерина и шепотом сказала, что все на молитве.

Я вспомнила, что в женском монастыре неизменно служат панихиду за упокой души Георгия Александровича. Матушки считают его своим покровителем и уверены – он всегда помогает в их делах. Когда зимой 2008 года в летнем дворце случился пожар, матушки посчитали это дурным предзнаменованием, и в августе 2008-го случилась война. Слава Богу, говорят они, часть дворца при пожаре уцелела, и сейчас в нем ведутся реставрацион-

ные работы. Монахини и послушницы во главе с матушкой-настоятельницей чрезвычайно пекутся о сохранении дворца и хранят память о его бывших обитателях.

Нина выразила желание сходить на молитву и вышла вслед за тихой послушницей. Мы остались одни. За стенами дворца шумел ливень. Чуть погодя стали появляться знакомые монахини и послушницы. Матушка Теодора – тоненькая, с одухотворенным лицом и обаятельной улыбкой подошла обнять меня. Послушница Ия, в прошлый раз уступившая мне свою келью на ночлег, оказывается, уже постриглась; глаза ее, как всегда, светились. Она много рассказывала мне о жизни Георгия Александровича в этом дворце. Матушка Зинаида, по причине своего почтенного возраста, чувствовала себя неважно и с

▲ Клара Бараташвили с подругой Ниной

трудом вспомнила меня. Когда ее усаживали в кресло и громко назвали мою фамилию, она, улыбаясь, медленно сказала: «Да, помню, что фамилия была хорошая...» Матушка Февронья, как всегда, охотно делилась новостями монастыря, рассказывала о гостях из России. В гостиной у матушки хранятся альбомы со старыми видами Абастумани, фотографиями членов Российской императорской семьи, наезжавшей летом в Абастумани. Мы развернули альбомы и долго разглядывали старые пожелтевшие снимки.

Накрыли столик у дивана, принесли чаю и пошла неспешная беседа... Как всегда, было очень интересно...

Любопытно, что они помнят меня, а журналы «Русский клуб» с моими статьями об Абастумани и жизни цесаревича хранятся в монастырской библиотеке. Недавно одна московская журналистка по моему совету поехала в Абастумани, и монахини с гордостью показывали ей эти журналы. И не только они. Москвичка была поражена моей известностью. Я – тоже, тем более что почти в каждом доме, где мы бывали, мне демонстрировали эти журналы...

Известие о том, что в России, в далеком северном городе есть приход святой Нино, и там будет строиться храм ее имени, вызвал у матушек светлую радость. Они с изумлением вглядывались в мою подругу, расспрашивали ее о монастырской жизни в России, советовали на то, что отношения между нашими странами никак не налаживаются. И выражали надежду, что два православных народа рано или поздно найдут общий язык.

Нам посоветовали обязательно посетить женский монастырь в Бодбе, в Кахети, место захоронения святой Нино. Мы сообщили, что эта поездка у нас запланирована.

«Но вначале, - сказал отец Максим, - мы покажем нашей гостье монастыри Месхети».

«А завтра едем в Зарзму!» - торжественно объявил он.

Клара БАРАТАШВИЛИ

▲ Возложение цветов к памятнику поэта у здания гимназии в Кутаиси

МАЯКОВСКИЙ ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

Поклонники таланта Владимира Маяковского по традиции отправились на малую родину поэта в поселок Багдади, чтобы отметить его день рождения. Инициатор поездки – председатель Союза обществ взаимоотношений Грузии с Россией, доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей и Союза журналистов Грузии Нана Цителашвили, осуществившая этот проект при участии Дома национальностей и СП Грузии.

Союз обществ взаимоотношений Грузии с Россией уже в пятый раз собирает в Багдади писателей и поэтов, деятелей культуры, чтобы отдать дань любви Владимиру Маяковскому. Первая остановка – у кутаисской гимназии, в которой поэт проучился четыре года, с 1902-го по 1906-й. Интересно, что в этом учебном заведении получили образование Акакий Церетели, Акакий Шанидзе, Дмитрий Узнадзе, Тициан Табидзе и многие другие знаменитости... Нана Цителашвили возложила цветы к памятнику Маяковскому-гимназисту (авторы скульптуры – В.Мизандари и Г.Николадзе. Памятник воздвигнут в 1956 году).

А по дороге в Багдади посетили могилу отца поэта – Владимира Константиновича. Здесь прозвучали стихи под названием «Горе». В них Маяковский раскрывается как тонкий лирик с минорной интонацией. Поэту словно изменяет присущий его творчеству оптимизм, жизнеутверждающий пафос: «Тщетно отчаянный ветер бился нечеловече. Капли чернеющей крови стынут крышами кровель. И овдовевшая в ночи вышла луна одиночить».

Участники праздника посетили родительский дом поэта, на котором мемориальная доска: «В этом доме 7 (19)

июля 1893 года родился поэт Владимир Маяковский». В доме все напоминает о поэте. Сохранилась почти вся мебель. Трудно поверить, что самому дому более 170 лет. За этот период он несколько раз реставрировался, но его внешний вид сохранился неизменным. В создании музея принимали участие мать поэта, Александра Алексеевна Павленко, сестры Людмила и Ольга. Они передали музею личные вещи отца поэта. У наследников хозяина дома были приобретены предметы, которыми пользовалась семья Маяковских. Все они размещены в трех комнатах.

Как Маяковские попали в Багдади? Из города Берислава Херсонской губернии в Грузию приехал прадед поэта Константин Кириллович Маяковский с сыном Константином. Константин Константинович вырос в Грузии. Женился на дочери русского офицера Евдокии Осиповне Данилевской. У супружеской четы было пятеро детей. Отец поэта, Владимир Константинович, родился в Ахалцихе в 1857 году. Начинать работать в Армении, в Александропольском лесничестве. А в 1889 году, когда в Багдади было основано лесничество, Владимира Константиновича перевели сюда на должность лесничего.

В Доме-музее Маяковского, в кабинете Владимира Константиновича, хранится коллекция образцов деревьев, произрастающих на территории Багдадского района, собранная отцом поэта. Здесь же находится фотография, запечатлевшая Владимира Константиновича среди местной интеллигенции. Он пользовался большим авторитетом как лесничий и как человек... У Владимира Маяковского были весьма уважаемые предки. Так, его дед

▲ В Доме-музее В.Маяковского в Багдади

был очень известным в Ахалцихе судьей, справедливым, честным.

В музее хранятся книги, газеты на русском и грузинском языках – в семье Маяковских хорошо владели грузинским.

После интересного рассказа директора музея Беки Кучухидзе в другом, современном здании музейного комплекса, где выставлены разнообразные экспонаты, связанные с жизнью и творчеством поэта, состоялся концерт.

Приветствовала гостей и поделилась своими мыслями о поэте Нана Цителашвили. Ее поддержали представители Дома национальностей Ирина Шаповалова и Карина Барсегян.

Порадовал собравшихся народный артист Грузии, профессор Тбилисской консерватории имени В.Сараджишвили Эльдар Гецадзе. Он не только выступил сам, но и представил своих талантливых воспитанников – Акакия Иоселиани, Ираклия Гогошидзе, Алуду Тодуа, Годердзи Джанелидзе, Гиги Петриашвили и Татию Ахалая. В их исполнении прозвучали грузинские вокальные произведения. Аккомпанировала Дареджан Махашвили.

Уладили слух публики певица Натела Шарабидзе, а также Мераб Андроникашвили, замечательно владеющий не только голосом, но и игрой на гитаре.

Интересным было выступление поэтессы Мзии Хетагури, подчеркнувшей, что «Маяковский – гений, в свой русский стих он внес грузинский дух, грузинскую ритмику, грузинскую эмоцию! Так что Владимир Маяковский – часть не только русского, но и грузинского писательского сообщества».

Нино Кутателадзе представила свои стихи «Беседа с Владимиром Маяковским» - своего рода исповедь поэта, страстный диалог эпох и культур.

«Дни Маяковского в Грузии вновь должны стать об-

щегосударственным праздником!» - считает поэт Агател Арабули. Он напомнил гостям, что идея отмечать день рождения поэта на его малой родине принадлежала грузинскому государственному деятелю Жиули Шартава.

Ветеран грузинского телевидения Игорь Нагорный рассказал, как создавался трехсерийный документальный фильм о Владимире Маяковском «Я сам» (1964). Режиссер картины – Сергей Евлахишвили, автор сценария – Николай Корцов, главный оператор – Игорь Нагорный, второй оператор – Владимир Ермаков. Существовали два варианта фильма – русский и грузинский. Грузинский закадровый текст читал Котэ Махарадзе.

На вечере выступили также композитор Чарита Джпаридзе, прочитавшая стихи собственного сочинения, юрист, кандидат в депутаты парламента Арчил Кбилашвили. Поэтическое слово Маяковского озвучил ведущий актер театра имени А.С. Грибоедова Валерий Харютченко, прочитавший «Наш марш» и «Хорошее отношение к лошадям».

Был среди гостей Константин Шервашидзе, сыгравший маленького Маяковского в художественно-документальной картине «Я в долгу перед вами, багдадские небеса». Автор сценария – Нана Цителашвили, режиссер – Георгий Ермаков. Это совместный проект Союза обществ взаимоотношений Грузии с Россией и группы сотрудников московского Дома-музея Владимира Маяковского. В фильме рассказывается о детстве поэта, первых впечатлениях, повлиявших на его формирование как человека и творца. Вероятно, на будущий год, к 120-летию Владимира Маяковского, будут показаны фрагменты из этой картины. Кстати, художественный фильм о молодом поэте под названием «Маяковский начинался так» снял еще в 50-е годы на киностудии «Грузия-фильм» режиссер Константин Пипинашвили. Главную роль сыграл Василий Лановой.

Инна БЕЗИРГАНОВА

«Завлекают в Сололаки стертые пороги...»

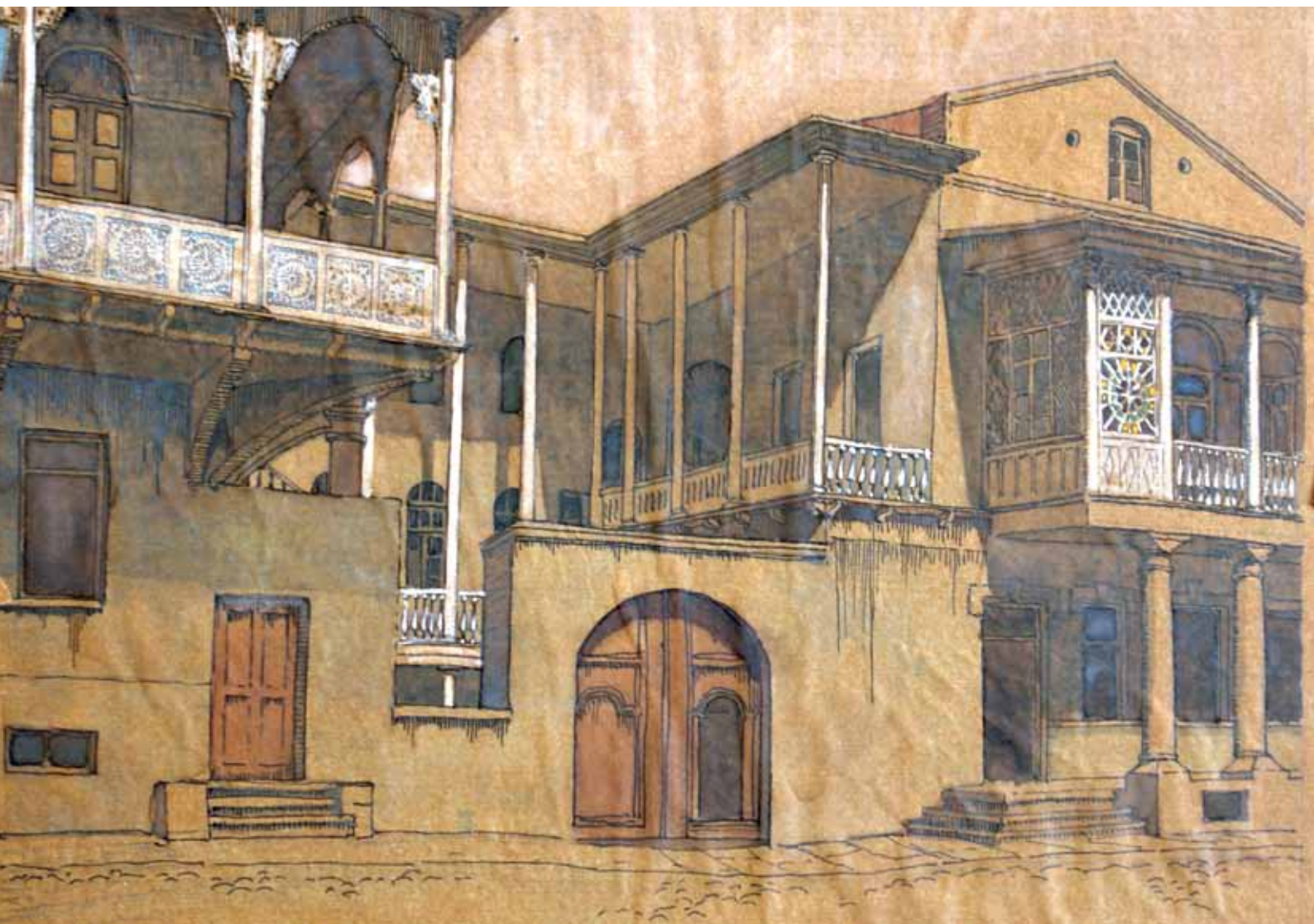
Литературные страницы старого района

Старые, исконные наименования своих улиц сололаки знают назубок. И, не задумываясь, запросто используют их вместе с более поздними, современными названиями. Но даже эти исконные горожане, говоря о Нагорной улице, могут вспомнить лишь то, что еще в позапрошлом столетии она превратилась в Сололакскую, потом еще дважды переименовывалась, в нынешнем столетии став улицей Леонидзе. А вот о том, что была еще одна Нагорная, уже мало кто припомнит – настолько кажется, что эта улица всегда была Лермонтовской. Взбежав по крутому склону, она соединила верхнюю и нижнюю границы района. А в ее истоках тбилисцы с гордостью показывают гостям двухэтажное здание с неперенными резными балкончиками, называя его «Лермонтовским домом». Сейчас оно капитально реставрируется, и трудно сказать, какой облик ему предстоит принять. Но здесь, на бывшей Алавердской площади, навечно поселилась уверенность горожан, что именно в этом доме жил поэт, чье имя уже более века носит улица, проходящая по самому центру Сололаки.

Тогда, в 1837-м, здесь было то, что сегодня мы называли бы офицерским общежитием – на Алавердской площади размещались господа офицеры из полков, стоявших в городе. Среди них мог быть и приехавший в Тифлис прапорщик расквартированного в Кахетии

Нижегородского драгунского полка Михаил Лермонтов. А впервые этот город прозвучал в его биографии за 7 месяцев до приезда туда. Раздел «Выбыли из Москвы» в «Ведомости о прибывших в Москву и выбывших из оной разных особ» свидетельствует 10 апреля: «Пополудни в 1 час в Тифлис Нижегородского драг. п. пр. Лермонтов».

Однако путь в Грузию затягивается – простуда в дороге, лечение и длительные остановки в Ставрополе, Пятигорске, Кисловодске, поездка в Железноводск, в Тамань... А с военным укреплением Ольгинское на Кубани связаны два примечательных события. Первое – по дороге туда Лермонтова обокрали, и он не смог отдать пакет, посланный родителями Николаю Мартынову. Да-да, тому самому. Тогдашний друг-приятель, а впоследствии – его убийца пишет своему отцу: «Триста рублей, которые вы мне послали через Лермонтова, получил; но писем никаких, потому что его обокрали в дороге, и деньги эти, вложенные в письмо, также пропали; но он, само собой разумеется, отдал мне свои». Второе событие – намного приятней и связано оно с Тифлисом. Читаем предписание от 29 сентября, полученное из Штаба войск Кавказской линии и в Черномории: «...Я предписываю вам отправиться в свой полк; на проезд же Ваш от укрепления Ольгинского до города Тифлиса препровождаю при сем подорожную

▲ «Лермонтовский дом» на Алавердской площади

№ 21-й, а прогонные деньги извольте требовать по команде с прибытием вашим в полк».

Ну, а Тифлис тем временем становится судьбоносным для Лермонтова. На плацу Кабахи, что был на месте нижнего Александровского сада, 10 октября Его Императорское Величество Николай I лично проводит смотр частей Кавказского корпуса. Среди них – четыре эскадрона Нижегородского драгунского полка, «найденные в отличном состоянии». Это и отражается на судьбе Лермонтова, хоть еще и не доехавшего до места службы, но уже числящегося в списках личного состава. Он оказывается в числе поощренных офицеров: высочайший приказ по результатам смотра гласит, что переводится «прапорщик Лермантов лейб-гвардии в Гродненский гусарский полк корнетом». Может быть, царь решил, что талантливый вольнодумец, стихи которого нравились даже членам августейшей семьи, уже достаточно наказан ссылкой в беспокойную провинцию. Может, сказались хлопоты бабушки поэта Елизаветы Арсеньевой, имевшей немалые связи среди сильных мира сего. Да и придворный поэт и воспитатель наследника престола Василий Жуковский убедил шефа жандармов Александра Бенкендорфа, что Лермонтов «подает надежды русской литературе». Как бы то ни было, именно из Тифлиса Михаил Юрьевич заочно получает облегчение судьбы – ему разрешают продол-

▼ Михаил Лермонтов

▲ Елизавета Арсеньева

жить службу уже в России, да еще в более высоком звании, да еще в гвардии. Но в полку ему числиться еще до 25 ноября и по дороге в свою часть Лермонтов, как он сам пишет, «был в Шуше, в Кубе, в Шемахе, в Кахетии». Дело в том, что драгуны-нижегородцы были направлены в азербайджанский город Куба для усмирения сторонников Шамиля. Но восстание подавили до их прибытия, поэт присоединяется к ним в Шемахе и вместе с полком, наконец, попадает в Грузию. Пока еще не в Тифлис – в Кахетию.

И тут – первое для Лермонтова в Грузии удивительное переплетение судеб. Полк, в течение 15-ти лет охраняющий «Лезгинскую линию», располагается в урочище Караагач, а совсем неподалеку – Цинандали. То самое, где мы уже видели и владельца поместья князя Александра Чавчавадзе, и его дочь Нину, и его зятя Александра Грибоедова. Именно грузинский поэт-генерал долгое время был старшим штаб-офицером полка, а потом и командовал им. Естественно, офицеры-драгуны были частыми гостями в имении. Военный историк Василий Потто с восторгом пишет, что «связующим звеном между ними становился грузин, и в то же время нижегородец, тот самый князь Чавчавадзе, которого почитала вся Грузия как представителя знатного рода, как одного из своих доблестнейших воинов и, самое главное, как своего великого поэта...» Виделись ли тогда два поэта – прапорщик и генерал? Знаменитый литературовед Ираклий Андроников, перерывший все доступные и даже недоступные свидетельства о судьбе Лермонтова, предоставляет нам целую массу косвенных доказательств для положительного ответа. Почему косвенных? Да потому, что во многом мы вынуждены согласиться со словами еще одного большого поэта по имени Александр – Блока, утверждавшего: «Почвы для исследования Лермонтова нет

– биография нищенская». Конечно, за годы, прошедшие после того, как это было сказано, найдено немало интереснейших документов, но все же о пребывании Лермонтова в Грузии, особенно в ее столице, известно до ничтожного мало. Впрочем, и само это пребывание весьма недолгое – со второй половины октября до начала декабря.

И, тем не менее, примем утверждения авторитетнейших исследователей, что Михаил Юрьевич бывал в семье Чавчавадзе, а значит, оказывался в блестящем обществе, которое она собирала и в Цинандали, и в Тифлисе. Ведь не случайно же на обороте листа с автографом стихотворения «Спеша на север из далека» торопливым почерком, карандашом, записаны два женских имени – «маико мая». Необычные для русского поэта, поспешившего запомнить их, они были хорошо известны в высшем свете Тифлиса, это – Маико и Майя Орбелиани. А первая из них – родственница и подруга Николоза Бараташвили, так что Лермонтов явно мог видеть и самого поэта-романтика, которому тогда был 21 год. А если так, то не исключено знакомство и с еще одним человеком, стихами которого зачитывалась вся Грузия – Григолом Орбелиани. И уж конечно – с вдовой Грибоедова, Ниной.

И еще одна ниточка, ведущая к семье Чавчавадзе – уже хорошо знакомая нам усадьба Ахвердовых.

▲ Александр Чавчавадзе

С ней, как мы помним, жизнь этой семьи связана самым тесным образом, но и для Лермонтова здесь завязалось удивительное переплетение судеб. Уже второе в Грузии. Владелица дома Прасковья Николаевна Ахвердова в девичестве носила фамилию Арсеньева, она – троюродная сестра покойной матери Михаила. Таким образом, женщина ставшая второй матерью Нине Чавчавадзе и благословившая ее на брак с Грибоедовым – троюродная тетя Лермонтова. Правда, в 1837-м в Тифлисе ее уже нет, она переехала в Рос-

сию, где, между прочим, постоянно поддерживает родственные отношения с единственным близким Лермонтову человеком – его бабушкой Елизаветой Арсеньевой. Да и сам он встречался с ней там. Достаточно прочесть строки его писем, написанных из Петербурга и Царского Села еще до появления в Тифлисе: «Я часто выдаюсь с... Прасковьей Николаевной», «Прасковья Николаевна Ахвердова в мае сдает свой дом». А еще примечательно, что именно в то время Александр Чавчавадзе находился в российской столице и часто встречался с Ахвердовой. Так, может, у нее и познакомились грузинский и русский поэты?

Впрочем, это – предположение. А вот – реальные факты из тифлисской жизни Лермонтова. За несколько лет до его приезда в Грузию дом и сад Ахвердовых были разыграны в лотерею и достались Казенному институту благородных девиц. Флигель же – тот, что много лет снимала семья Чавчавадзе, – остался у пасынка Ахвердовой, Егора, служившего в Грузинском гренадерском полку. Участок, на котором стоит нынешнее здание Союза писателей Грузии, начинался с Садовой улицы, с годами, сменившей немало названий – Бебутовская, Энгельса, Ладо Асатиани. Через полвека после смерти Лермонтова, желая отметить этот печальный юбилей, Тифлисская городская дума решила установить, где же именно жил поэт. На это ушло 7 лет работы в архивах и опросов сололакцев, а потом место было названо точно: «У родственника своего в 4-м участке по Садовой улице». Однако еще через пару лет имя поэта дали не этой улице, а Нагорной, связанной с Лермонтовым лишь тем, что он мог останавливаться в офицерской гостинице, от которой она начиналась...

Но, в какой бы части Сололаки ни жил Михаил Юрьевич, Тифлис ему нравился. Как, впрочем, и тем большим русским поэтам, которые были здесь до него. Не случайно, в одной его фразе – прямые отклики пушкинского и грибоедовского отзывов: «Хороших ребят здесь много, особенно в Тифлисе есть люди очень порядочные; а что здесь истинное наслаждение, так это татарские бани!» И еще: «Если бы не бабушка, то, по совести сказать, я бы охотно остался здесь, потому что, вряд ли Поселение веселее Грузии». Впрочем, согласитесь, веселье поэта, да к тому же, офицера-драгуна – отнюдь не только в банях да хороших ребятах. И вполне естественно, что неизгладимые впечатления оставили местные красавицы. Достаточно вспомнить «Демона»:

*То вдруг помчится легче птицы,
То остановится, глядит —
И влажный взор ее блестит
Из-под завистливой ресницы;
То черной бровью поведет,
То вдруг наклонится немножко,
И по ковру скользит, плывет
Ее божественная ножка.*

Или «Мцыри»:

*И шла она легко, назад
Изгибы длинные чадры
Откинув. Летние жары*

*Покрыли тенью золотой
Лицо и грудь ее; и зной
Дышал от уст ее и щек.
И мрак очей был так глубок,
Так полон тайнами любви...*

У исследователей есть предположения о том, что стихотворения «Слышу ли голос твой...», «Как небеса, твой взор блистает...», «Она поет – и звуки тают...» посвящены не петербургской, а грузинской красавице. А таких красавиц на балах и приемах в столице Грузии встречено было немало, помимо уже упомянутых

▲ М. Лермонтов. «Кавказский вид с саклями»

– Екатерина Чавчавадзе, Елена Орбелиани, Варвара Туманишвили, Мелания и Дария Эристави... Кстати, первый из этих стихов – на обороте листа с записью наброска: «Я в Тифлисе...», сделанного до отъезда из Грузии. Все это – чисто платоническое восхищение, о победах Лермонтова на тифлисском любовном фронте не известно ничего и никому. Ну, а с очаровательной простолюдником роман вряд ли мог завязаться – отмечая, что женщины на Кавказе малоразговорчивы, Лермонтов полушутливо признается: «Как, например, грузинки, они не говорят по-русски, а я – по-грузински». А знаете что, дорогие читатели? Если уж у нас зашел разговор на столь игривую тему, присмотримся к тому самому наброску «Я в Тифлисе». Потому что в нем идет речь о весьма необычной, по-разному трактуемой истории.

Живет в Тбилиси литератор, специализирующийся на обобщении материалов о жизни грузинского бомонда минувших лет и излагающий, при пересказе, собственные, порой сенсационные версии. Не далее, как в июне прошлого года, в своем цикле «Загадки Грузии» он опубликовал материал под интригующим названием «Неизвестный Лермонтов». Вообще-то, там нет ничего не известного исследователям и тем, кто просто интересуется жизнью поэта. За исключением утверждения о том, что в Грузии Лермонтова, оказывается, «больше волновала личная жизнь». И основано это утверждение именно на отрывке, начинающемся словами «Я в Тифлисе». Автор делает из него однозначный вывод: в Тифлисе Лермонтов утопил труп бывшего ухажера приглянувшейся ему местной девушки, а потом сбросил в

▲ М.Лермонтов. «Тифлис. Метехский замок»

воду и мстителя. Не будем полностью цитировать, что конкретно писал поэт – эта «неизвестная» история есть во всех полных собраниях его сочинений, начиная еще с 1873 года. И все серьезные исследователи признали: это – план повести, а не автобиографическая запись.

Предоставим слово хотя бы тому же Андроникову. Признавая очень реальным описание Тифлиса того времени, он утверждает: «И тем не менее нет никаких оснований относить описанные в этом наброске события к самому Лермонтову... Помимо того, что история эта применительно к Лермонтову кажется совершенно неправдоподобной, она не могла пройти без последствий для ссыльного офицера. Кроме того, в описи дел «О происшествиях по Грузии за III треть 1837 года» в Центральном государственном историческом архиве Грузинской ССР вообще нет ничего похожего на эту историю». А после тщательного анализа многочисленных поправок в тексте, делается вывод: «Отражен процесс возникновения нового замысла... ни в одном письме Лермонтова мы не встречаем этого – только в черновиках прозы».

Конечно, тбилисцам могло бы польстить, что именно в их городе знаменитый поэт лихо участвовал в романтично-уголовной затее, затем проявил себя как детектив и решил использовать все это в повести «Тамань». Но, увы, такие утверждения автора «Неизвестного Лермонтова» абсолютно беспочвенны, как и сообщение о том, что Лермонтов якобы доложил обо всем командованию, а весь отрывок является его письмом к другу. Так что, жители грузинской столицы могут гордиться другим – в их городе созрел сюжет большого произведения. «Очевидно, - подытоживает Андроников, - сюжет, подсказанный ему действительным происшествием в Тамани, стал потом обрастать новыми впечатлениями и превратился в замысел «тифлисской повести», более сложной по фабуле, чем «Тамань». Но есть в этом наброске и настоящая тайна, скрывающая то, что нас так интересует – где еще в Тифлисе жил Лермонтов, с кем общался.

Человек, у которого он останавливался, именуется в наброске «Петр:», затем упоминаются «Г:», «ученый татар. Али», Ахмет и Геург. Следить за всеми этапами исследований этих имен долго и утомительно. Так что, обратимся сразу к окончательным выводам ученых. Итак, наиболее вероятно, что «Петр:» - дежурный штаб-офицер штаба Отдельного Кавказского корпу-

са Павел Петров 4-й. Появившись в городе, прапорщик Лермонтов, по предписанию, не мог не явиться именно к нему. К тому же Петров служил при начальнике штаба Владимире Вольховском, близком друге князя Чавчавадзе и лицейском товарище Пушкина. С Вольховским Лермонтов познакомился еще на Северном Кавказе, в Тифлисе тот протезировал опальному поэту и вполне мог поручить своему подчиненному опекать приезжего. Человек, зашифрованный инициалом «Г:» - скорее всего, штаб-лекарь Тифлиского военного госпиталя Франц Герарди, которого знал весь город, насчитывавший тогда лишь 25 тысяч жителей. Кстати, этот медик уехал в отпуск в те же дни, когда Лермонтов навсегда покидал Грузию. «Ученый татар. Али» - Мирза Фатали Ахундов, впоследствии – великий азербайджанский поэт, а тогда – начинающий литератор. Он, вторым после Лермонтова, откликнулся стихотворением на смерть Пушкина, в Тифлисе учил Михаила Юрьевича азербайджанскому языку, помог записать сказку про Ашик-Кериба. Так в грузинской столице два великих поэта продолжили связи русской и азербайджанской литератур.

Ахмет, упомянутый в наброске, - тифлисец, бывавший в доме Петрова и сопровождавший Лермонтова в прогулках по городу. А Геург – знаменитый оружейник, в официальных документах – Ягор Элиаров (Елизаров). Его имя есть и в черновике стихотворения «Поэт». А заглянув в Тифлис 1837 года, можно увидеть и его мастерскую – рядом с особняком главноуправляющего Грузией, ныне – Дворцом учащейся молодежи, в который переименован знаменитый тбилисский Дворец пионеров. Но почему в литературном наброске оказались реальные люди? Ответ есть и на это – Лермонтов, как и Пушкин, сохранял подлинные имена во всех начальных планах.

Но планы – планами, а все мы знаем, сколько Лермонтов успел написать о Грузии, на сколько еще она его вдохновила. И не только в литературе. «Я снял на скорую руку виды всех примечательных мест, которые посещал, и везу с собой порядочную коллекцию», - писал он в Россию. Увы, из этой коллекции до нас дошло совсем немного. Но живут в рисунках и на картине поэта Метехский замок с церковью, Авлабарский мостик, Ортачальские сады, крепость Нарикала, домики над Курой, плоская кровля одного из них. Кстати, знаменитый «Кавказский вид с саклей» на Военно-Грузинской дороге Лермонтов писал из нынешнего тбилисского пригорода Мухатгверди. А на противоположном, пустом тогда берегу, сегодня – городской квартал и электростанция ЗаГЭС... Ну, а когда летний вечер сводит на нет тбилисскую жару, и над городом, зажатый меж холмами, все еще висит остаток знойного марева, как не вспомнить строки:

*Сады благоуханием
Наполнились живым,
Тифлис объят молчанием,
В ущелье мгла и дым...*

И, наверное, не так уж важно, бывал ли Лермонтов на улице, носящей сейчас его имя. Главное: он жил в этом городе, а город остался жить в нем. До самой смерти, настигшей поэта через 4 года после расставания с берегами Куры.

Владимир ГОЛОВИН

«Я УВИДЕЛ ВЫСОТЫ...»

К 90-ЛЕТИЮ ПИСАТЕЛЯ МИХАИЛА ЛОХВИЦКОГО

Имя Михаила Лохвицкого я впервые услышала в конце далеких шестидесятых годов прошлого столетия, когда опальный главный редактор газеты города Обнинска по старой укоренившейся традиции «нашкодивших», с точки зрения имперской идеологии, русских писателей оказался в добровольной ссылке в Грузии, которая приютила его, отогрела и вернула к деятельной жизни.

Вот как это было.

В разгар рабочего дня на моем редакционном столе зазвонил телефон и звонкий голос, не допускавший никаких возражений, сообщил: «Сегодня вечером ничего не планирую, мы идем в гости к моей двоюродной сестре и ее мужу!» Я стала лихорадочно соображать, как отвертеться от очередного визита к родственникам. Можете представить себе, сколько их было у двух добропорядочных тбилисских семейств?! Мгновенно

уловив мой напряг, собеседница засмеялась и заверила, что не стоит раздумывать: «У Лохвицких скучно не бывает».

«Надо же, Лохвицкие!» - то и дело мелькало в голове после этого телефонного разговора. И перед глазами, как в калейдоскопе, проносились дорогие моему сердцу картины заснеженного Петербурга. Вторая половина XIX века, канун Серебряного века русской поэзии, весь цвет которой можно было встретить в литературном салоне Мирры Лохвицкой – основоположницы русской «женской поэзии» XX века, открывшей путь Анне Ахматовой и Марине Цветаевой. Воображение мое было сильно взбудоражено, и я с нетерпением ждала конца работы. Хотя о том не было сказано ни слова, почему-то сразу решила, что меня зовут в дом к писателю.

К Сабуртало, к коротенькой уютной Амбролаур-

▲ М.Лохвицкий с боевыми товарищами

ской, я подъезжала уже в высшей стадии разгула фантазии – всю дорогу моя собеседница рассказывала удивительную историю писателя, редактора и журналиста Михаила Юрьевича Лохвицкого, оказавшегося к тому же внуком адыга, черкеса-шапсуга Закира Аджук-Гирея, который в 1864 году, в 12-летнем возрасте потерял родителей при защите ими родного аула. Закира, спрятанного в кустах, русские нашли после боя, и вот «однажды русский генерал» мальчика увез с Кавказских гор к себе домой в Россию, усыновил и крестил, а сохранившейся по сей день фамилией юный адыг был наречен по воле его крестного отца штабс-капитана Петра Лохвицкого.

Прототипа Закира (Захария) его внук, Михаил Лохвицкий, отобразил в своей исторической повести «Громовый гул» о противостоянии черкесов русским в 1860-е годы во время Кавказской войны. Изысканный шлейф Серебряного века легко был подхвачен одним из возможных потомков живых прообразов лермонтовского Мцыри – правда, не монастырским послушником, а отпрыском насмерть сражавшихся за свои отчие дома легендарных черкесских воинов...

Небольшая светлая, наполненная атмосферой какой-то всеобщей радостной готовности к веселью и общению квартира Лохвицких, наверное, мало чем походила на декадентское «святилище, где сон и филмиам» знаменитой однофамилицы Михаила, но схожесть была в главном – в парадоксальном единении творческого разномыслия и совершенной личностной свободы. Никакого официозного представления обществу новоявленной родни в моем лице здесь просто не могло быть. В этом доме принимали с открытой доброжелательностью и верой в ответные добрые чувства переступившего их порог человека. И только от тебя самого зависело, сумеешь ли ты ответить такой же искренней готовностью к дружескому пожатию протянутых тебе рук.

С тех пор прошло много-много лет. Но тот далекий

▼ Михаил Лохвицкий

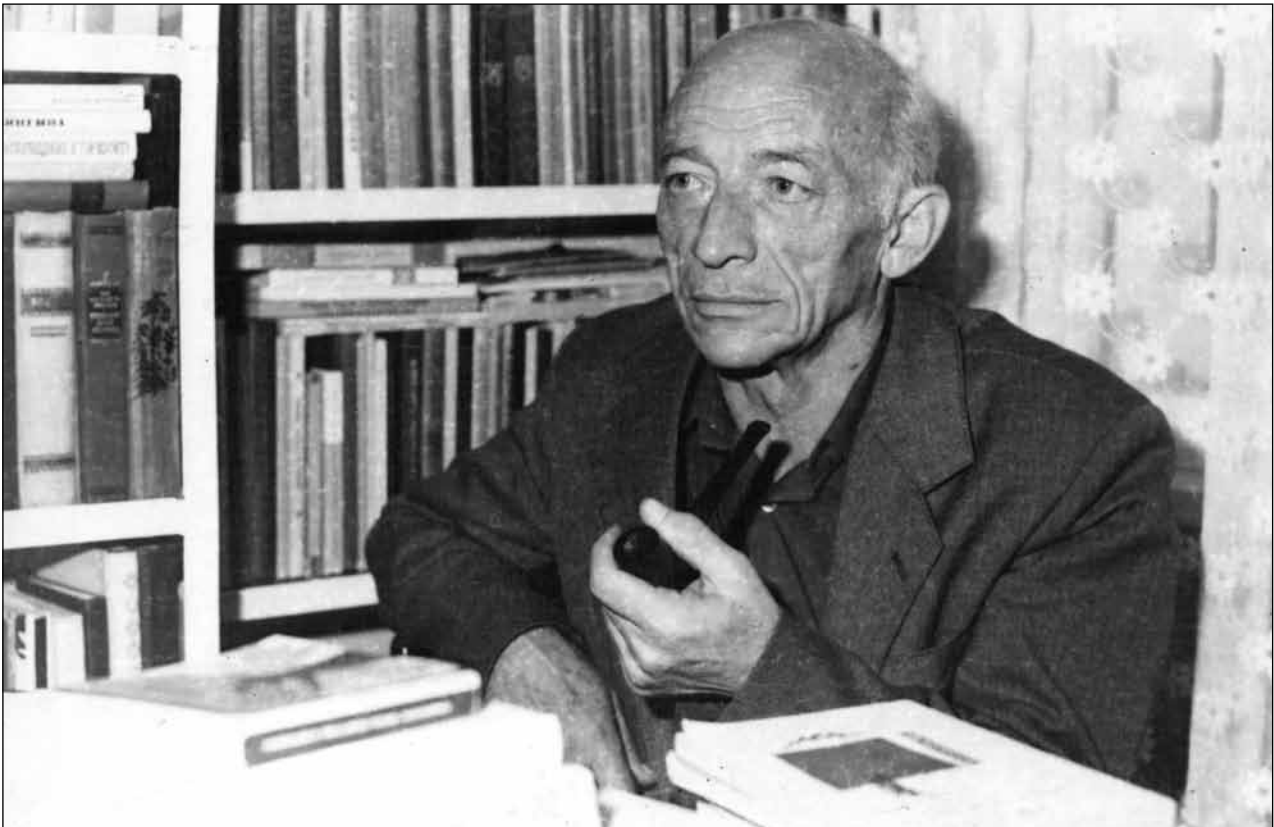

вечер остался в сердце навсегда. У добрых чувств есть только начало. Они никогда не становятся бывшими когда-то – нет у них прошедшего времени. Сколько раз потом я приходила в этот дом, спеша поделиться радостью своей или болью, и всегда встречала здесь поддержку. И улыбку, словно от всех сразу, большую и теплую улыбку всех обитателей этого очага вместе взятых. Мало от кого из своих близких я видела столько тепла, понимания и родственного участия, как в этом чудесном доме.

В чем был секрет искренней, не суетной доброжелательности этого милого, душевно добротного мира Лохвицких? Как жаль, что на разгадку такого простого, как оказалось, вопроса понадобилась почти целая жизнь. И как больно, что не успела поделиться с хозяевами этого дома своими размышлениями и догадками. Не додумалась, глядя в добрые умные, прозрачные до самой глубокой голубизны глаза Михаила Юрьевича, сияющие особой, мужественной нежностью на его впечатляюще рельефном, словно высеченном искусным скульптором лице, сказать вовремя простые, такие нужные для каждого художника слова: «Я поняла, почему так светло и радостно в вашем доме, почему так комфортно находиться рядом с вами. Это тепло вашего таланта человека и писателя. И таланта бережно охранявшей любимого человека по жизни мудрой и женственной вашей супруги Наташеньки».

Не правда ли, счастье ощущать внутри себя это тепло? Не выбалтывать, не выплескивать. Хранить в себе, как драгоценную тайну и не измеримое никакими знаками богатство. Безмолвно согреть всех, кто рядом. А потом, оставшись у письменного стола один на один с белыми листами бумаги, создавать замечательные рассказы и повесть «Час сенокоса» о ставшей родной Грузии, с интересом принятые читателями романы «Выстрел в Метехи», «С солнцем в крови», изданный уже после кончины писателя роман «В поисках богов» - продолжение повести «Громовый гул», потрясающей исповеди, где разверзлись «откровенья, бури и щедроты души воспламененной...» Долгое время повесть «Громовый гул» не пропускалась цензурой, пока после вмешательства Константина Симонова не была опубликована. В то время мало кто мог проявить такую дерзость и дать парадной концовке Кавказской войны столь нелюбимую характеристику: «Все было весело, парадно, а на деле это не парадом являлось, а панихидой по исчезающим шапсугам и убыхам». Повесть и ее театральная постановка при жизни автора сделали Михаила Лохвицкого популярным и любимым на Кавказе. Ее высоко оценили такие известные русские писатели, как Юрий Трифонов, Юрий Давыдов, Александр Межиров, Михаил Синельников, Владимир Турбин. Однако тут же скажу, что самую важную, пожалуй, определяющую роль в становлении литературного дара Михаила Лохвицкого сыграл прекрасный русский писатель Сергей Николаевич Сергеев-Ценский, который долгое время был главным советчиком, профессиональным наставником и требовательным критиком Михаила Юрьевича. Он настойчиво убеждал молодого писателя попробовать свои силы в крупных литературных формах, обратиться к жанру романа. В свою очередь, М.Лохвицкий проявлял любовь и глубокое уважение к своему учителю и посвятил ему свой первый роман «Неизвестный».

В далекие времена, в середине XIX века, на заре зарождения российско-кавказских культурных отношений, в среде грузинской интеллигенции, людей твор-

▲ В рабочем кабинете

ческого мира появилось понятие «тергдалеулни», что означало – испившие воды Терека. Так называли тех, которые побывали за Кавказским хребтом и вернулись на историческую родину с мечтой о свободе собственного народа, обогащенными соприкосновением с иной культурой, впитавшими дух либерализма. Жизнь и творчество Михаила Лохвицкого органично связаны с этой традицией. Его книги и сегодня актуальны направленностью мыслей и надежд их автора на то, что у российско-грузинских отношений есть будущее.

Листая страницы знаковых книг писателя – «Громовый гул» и «В поисках богов», поражаюсь масштабности его мировоззрения, научной глубине осмысления и анализа исторических фактов такой непростой, долгие годы не раскрываемой черкесской тематики. Мне кажется, точно выверенная писателем мера объективности и общая доброжелательная тональность этой диалогии могли бы стать столь необходимой сегодня позитивной эмоциональной опорой в согласованной, совместно налаженной исследовательской работе ученых-историков по обе стороны Кавказского хребта с целью уяснения сути произошедшего в ходе Кавказской войны, умиротворения всех оппонентов, имеющих к этой истории отношение, пусть даже опосредованное разрывом во времени, наконец – обуздания в информационном поле вспыхнувших вновь страстей с помощью откровенно произнесенного честного, мудрого и доброго слова. Более того, применение таких подходов могло бы внести позитивный перелом и в оценочные характеристики проблем последствий августа 2008 года, ослабить остроту взаимного ожесточения, прекратить осточертевшие всем пропагандистские войны.

Недавно мне попались заметки одного из друзей Михаила Лохвицкого, который искренне говорит: быть может, лучше, что Миша ушел, не узнав о событиях последних лет, которые не могли не ранить его чуткого сердца. Многие из нас, людей со смешанной русско-

грузинской кровью, с душой, сотканной из равных локутков любви и нежности к строкам Галактиона и Блока, быть может, предпочли бы не дожить до этого абсурда. Но лично мои неистребимые оптимизм и жажда жизни, взращенные под сияющей синевой тбилисского неба, помогают выбрать веру в завтрашнее утро. В таком моем жизненном настрое есть, по-моему, нечто, взятое из книг Михаила Лохвицкого и личного с ним общения, от его честного и мужественного образа. Он и его книги нужны нам всем, как пример мудрости и благородного служения долгу перед историей своих предков. И долгу человека перед «существами той породы, к которой сам принадлежит». Михаил умел найти точные доходчивые слова, которые спустя много лет не дадут нашим детям забыть свои корни, простые и достойные принципы человеческой нравственной стойкости, которым он сам оставался верен в творчестве и в жизни.

В его книгах достоверность суровой правды жизни гармонично переплетается с пронзительной лирикой художественного повествования. В них незримо присутствует изысканный аромат лермонтовской поэтики. Нет и не может быть речи о каком-либо подражательстве – проза Лохвицкого самобытна и самодостаточна, это целый мир захватывающих воображение картин, впечатляющих художественных образов, глубоких идей. Но есть в ней нечто несоизмеримо большее – органическая верность традициям классической русской словесности, несущей в себе идеалы верности, сострадания, любви к ближнему.

Таким же верным своим принципам и чувству «ответственности за тех, кого приручил», Михаил Юрьевич был и в обычной, не литературной – каждодневной жизни. Это хорошо помнят все его знавшие и, конечно, в первую очередь – его дети, сын Юрий и дочь Анна, в складе своих характеров и душевной наполненности похожие на отца и мать, как две капли воды. А во мне

возникает в связи с этим странная ассоциация, впрочем, вполне естественная, словно эти два отчеканенных в моей памяти Михаила, знакомых друг с другом или нет – не ведаю, два удивительно верных и мужественных человека, по определению должны были повторять друг друга в своих поступках, устоях и побуждениях.

...Мы снимали тогда телевизионный фильм о Мише Хергиани – знаменитом грузинском альпинисте, нареченном английской королевой «тигром скал». Всегда скромный, молчаливый, терпеливо переносящий шумную суетность журналистской братии, Хергиани на одной из съемок вдруг проявил неожиданную для всех нас торопливость и нервозность. Он так часто и откровенно поглядывал на часы, что наш оператор не выдержал и спросил, а в чем, собственно, дело. Смущенно зардевшись, «тигр» едва слышно промолвил: «Меня дома ждут больные сваны. Надо показать их врачу». А где-то неподалеку, в соседних поселениях Кавказских гор черкесы ждали Михаила Лохвицкого. Ждали его правды – книг о своей родной земле, об истории своего народа. Верили, доверились ему, сразу признав за своего – мужественного, честного, безудержно смелого. Замкнулось кольцо времени. И он шел к ним долгим путем, торопился, боясь не успеть...

Свято верую в пушкинские слова: «Гений и злодейство – две вещи несовместные!» и в то, что настоящая, осознанная счастливым его обладателем талант – есть деятельное добро. Терпимое, терпеливое и развернутое любовью ко всему живому. Лохвицкий – писатель, наделенный прирожденным литературным талантом, был неотделим от Лохвицкого – человека с большим и смелым сердцем. Он не раз сталкивался в жизни со злом, но никогда не опускался до мести, даже до защитных действий со знаком ответного агрессивного умысла. Вернусь к началу этого текста и скажу, в чем Михаил Юрьевич был признан высшей кремлевской властью виновным, за что уволен с поста главного редактора газеты и подвергнут гонениям – за участие в похоронах известного ученого-диссидента Валерия Павлинчука. Сегодня представить себе такое невозможно, но мы, пасынки и падчерицы СССР, провели большую часть своей жизни в состоянии людей, лишенных права выбора...

По молодости лет мы часто бываем расточительны по отношению к тем, кто к нам добр. Искренне считаем при этом, что в ответ сполна платим им своей любовью. Но, только пройдя сквозь тернии жизни, начинаем понимать, что самые высокие чувства так и остаются милыми безделушками, если они бездейтельны.

Сколько трогательных картин деликатного проявления деятельной доброты семейной четы Лохвицких воскрешает память! Из них бы получился целый каталог под девизом «Души прекрасные порывы».

...В тот год в Москве долго стояла лютая зима, она не давала угомониться бившему меня ознобу. Для затянувшегося раздрызга чувств существовало лишь одно эффективное противоядие – билет стоимостью тридцать семь рублей. Аэропорт Внуково. Два часа лета до Тбилиси. И ты уже на верном пути к выздоровлению.

Вечером у Лохвицких никто и виду не подал, что заметил мое странное, смятенное состояние. Они не знали, как меня получше обогреть, накормить, обласкать. Позже, уже прощаясь, в тесной прихожей, я вдруг ощутила на своих плечах прикосновение чего-то пушистого и очень теплого. Норковая шубка. Легкая,

изящная, шоколадного цвета, с отделкой из афганской каракульчи – неизменяемый синоним красоты и роскоши. Чудом сохранившееся в доме великолепии. Одна шуба на всю женскую половину семьи. Для поочередных «выходов в свет». Сияя глазами, словно именно ей только что преподнесли столь драгоценный и щедрый сюрприз, Наташа обняла меня и ласково прошептала: «Никаких «нет»! Ты должна вернуться в Москву красивой королевой. И все будет хорошо, вот увидишь!» Все хорошо... Мне и сейчас хорошо на душе, вспоминая тот вечер у Лохвицких.

Радостная легкость, с которой эта любящая пара всегда проявляла готовность подставить друзьям и близким свое надежное плечо, была ничем иным, как глубинной духовной потребностью быть верными чувству нравственного долга и человеческого достоинства. Когда исполнение этого самого долга, ими воспринятое как осознанная необходимость, не требует тягостного усилия над собой при соблюдении зазубренных правил, а является выражением самого что ни на есть органичного, возвышенного состояния души. Подобное душевное состояние даровано Богом каждому человеку в день его появления на свет, но мало кому удается сохранить его и пронести через всю жизнь.

Михаил Лохвицкий сумел это осуществить, и доказательством тому явились его яркая, по-человечески безупречная биография, озаренное особым душевным теплом и мудростью творчество. Постоянное стремление «дойти до самой сути... до оснований, до корней, до сердцевины» истории своего многострадального народа, писательский дар, позволявший мастерски расцвечивать анализ масштабных проблем живым дыханием отдельно взятой личности, становятся порукой непреходящей актуальности писательского наследия Михаила Юрьевича. Верность, неприемлемость мысли о предательстве – краеугольные несокрушимые камни, лежавшие в основе его жизненного и творческого кредо. Помните, как в том же «Громовом гуле» писатель психологически тонко, с особым нравственным чутьем проводит рефреном через все жизнеописание своего героя нескончаемую мучительную боль его души при мысли о том, как он не смог отказать от предложения единоверца обменяться конями и таким образом предал своего коня, его никогда не подводившего в самых лютых сражениях?

Михаил Лохвицкий на распутье коней не менял. Все главные уроки жизни он выучил молоденьким парнишкой на войне с немцами – под бомбежкой на танкере «Ялта», доставлявшем нефть в Севастополь, а потом – в боевых действиях на Черном море в составе батальона морской пехоты. Фронтная выучка, окопное братство придали характеру Михаила не только кремневую крепость, но и вселили в него беспредельную веру в существование незримых связей между множеством хороших, умных, добрых людей. Позднее он написал: «Ничто так не проявляет человека, как война. Я узнал на фронте те человеческие качества, которые в мирное время могли бы остаться скрытыми. Я увидел высоты героизма, пропасти подлости и животной трусости. Я познал величайшую дружбу мужчины и беспредельность любви женщины». Эта вера в людей не угасала в нем в самые трудные дни жизни, сохраняла в его натуре какое-то особенное лучистое обаяние. Константин Паустовский писал о нем: «...Вот Миша Лохвицкий, какой он светлый человек, он весь светится любовью и доброжелательностью. Когда он улыбается, жить легче и приятнее».

Это просветленное начало в человеческой сущности Михаила Юрьевича с особой силой любви и надежды на лучшее в человеке выражено в его «Кортанетских рассказах» о Грузии, принесших ему первый настоящий успех у критиков и читателей. Надо знать, что потрясающей красоты село Кортанети было любимейшим местом отдыха и работы для М.Лохвицкого. Здесь ему дали участок, на котором находилась, прямо скажем, развалюха – неказистый дощатый домишко. Много раз собирался Михаил привести его в порядок, укрепить, а то и построить на его месте новый крепкий дом. Но каждый раз какие-то проблемы местных сельчан становились для него более важными, чем свои собственные. Например, сущим адом представлялась жителям Кортанети хилая переправа через реку – единственное средство связи с внешним миром, с неподалеку лежащей дорогой между Тбилиси и Боржоми. Язык не поворачивался назвать мостом одряхлевшую, бессильно повисшую на веревках дугу с настилом из трухлявых дощечек. Дышавшее на ладан сооружение далеких предков сельчан связывало два берега реки слишком уж тонкой и опасной нитью. По такому «висячему мосту» даже корову нельзя было провести, не говоря уже о невозможности порой вызвать «скорую» или дожидаться иной помощи при нередких здесь наводнениях. Михаил пошел с ходатайством к секретарю ЦК компартии республики, чтобы тот дал «добро» на выдачу под строительство нового моста в Кортанети страшно дефицитного в то время цемента. «Миша, - сказал ему секретарь, - ты же знаешь, что цемента нет вообще ни грамма!» Михаил ответил дипломатично: «Нет вообще» - это ноль, а если из нуля вычесть две-три тонны, то на этом нуле сие действие никак не скажется. Он опять-таки останется нулем. Так, черкните указание на моем ходатайстве, а дальше я сам этот цемент выскребу у его хранителя». Юмор и настырность писателя были оценены по достоинству. Он свершил чудо и крепкий каменный, словно на все времена, мост был построен. И сегодня жители села Кортанети с теплотой и благодарностью говорят: «Это – Мишин мост!».

Обаяние безусловного художественного дара М.Лохвицкого так гармонично переплетено с его человеческим обаянием, что, говоря о нем в эти юбилейные дни, на воспроизведенные в памяти образы его достойных подражания книжных героев вновь невольно наплывают эпизоды личного общения с ним, словно эти образы оживали в нем самом.

... Я в больнице с тяжело захворавшей новорожденной дочкой. Мне каждый вечер говорили, что моя Катенька, возможно, не доживет до утра. Что ни день, в нашей палате мелькают лица Лохвицких. Старших и младших. Но самое тягостное время суток – сумерки, сулящие надвигание бесконечно напряженной, тревожной ночи. В эти часы почти каждый день, без кого-либо рядом, появлялся Миша. С конфеткой-шоколадкой. С новой книжкой. С какой-нибудь диковинной фруктиной. Улыбался, спокойно говорил о чем-то совсем не грустном. Однажды, когда было совсем плохо и приходилось вызывать разных именитых профессоров и покупать дорогие лекарства, он пришел выглядевшим чрезмерно смущенным. Долго молчал, а потом неловким движением рук стал что-то запихивать мне в карман. Деньги. Пятьсот рублей – по тем временам сумма более чем чувствительная. Да еще и для Лохвицких-старших, в практическом смысле совершенно небрежливых. «Шальной гонорар, которого никто

▲ С Константином Симоновым

дома не ждет», - разом оборвал он мои протестующие возгласы. И совсем уже твердым голосом добавил, что я не имею никакого морального права лишать его возможности принять участие в спасении жизни внучатой племянницы.

Не в бумажках, естественно, было дело. Я смотрела вслед уходящему по песчаной дорожке человеку и страх за здоровье и жизнь дочки, леденивший душу, куда-то улетучивался, уступая место вере и надежде. И никогда мне не стереть из памяти сердца трогательную теплоту, доброту и нежность этого мужественного человека, который умел быть рядом в самые трудные минуты. Позже я прочитала у Э.Хемингуэя: «Если в жизни можно оказать хоть маленькую услугу, не надо уклоняться от этого...» и поняла, что люди такой закваски, как эти два любимых мной и таких непохожих писателя, обитавшие на разных концах Земли, чувствовали, дышали и жили, как сросшиеся близнецы, потому, что лучше многих других понимали основные смыслы явления человека на свет и его роли в кругообороте жизни.

Прилетая в Тбилиси на пару дней, я всегда в первую очередь мчалась к Лохвицким и обрешивала на них все

накопившиеся новости московской и, конечно, своей жизни, в которой всегда хватало каких-то нерешенных проблем. Напрочь забывая о том, что в этом доме не просто внимательно выслушают твои слова со всем сопутствующим выплеском эмоций, но и воспримут их, как руководство к немедленному действию. Однажды я весь вечер стенала о каких-то неразрешимых преградах в издательстве, где никак не могли разобраться с выходом книги в моем переводе.

Отправившись наутро в издательство, я встретила Мишу. Он стоял у самого входа в здание. Подтянутый, свежесвыбранный. С блаженством попыхивал неизменной трубкой. Ни дать, ни взять – благополучный, беззаботный господин из американского фильма о красивой жизни. Обрадовавшись неожиданной встрече, я наивно поинтересовалась, какие дела появились у него в издательстве с утра пораньше.

- Тебя жду, - невозмутимым тоном, как о чем-то само собой разумеющемся, ответил он.

- Разве мы договаривались? - удивилась я.

- Надо было договариваться? - в свою очередь высказал недоумение Миша, - ты же говорила, что у тебя здесь возникли трудности.

Через пару часов я уже бежала в кассу Аэрофлота за билетом в Москву. И только прикорнув в кресле полупустого салона самолета, почувствовала острый укол за поздало проснувшейся совести. Представила себе, как «приятно» было активно пишущему писателю, с ворохом своих собственных, сложных проблем, разруливать чужую бюрократическую волокиту с каким-то твердолобым чиновником. Как ни крути, а ярлык гонимого вольнодумца, подверженного вурдалаками от власти остракизму в течение нескольких тягучих лет, был весомым козырем для его идеологических оппонентов и литературно бездарных завистников. А то, что я, «дитя врага народа» с младенчества, с молоком матери вобравшая в себя острое неприятие царившей системы, сей факт воспринимала исключительно как роскошный комплимент, увы, не могло облегчить неунывающим Лохвицким трудностей жизни в социуме преющего «развитого

социализма». Если я когда-нибудь и позволяла своему сердцу понуть от боли потерь дорогих людей, то Миша и Наташа – первые в этом списке.

Сегодня книги Михаила Лохвицкого читают в России и Грузии, во всех странах постсоветского пространства, они переведены на разные языки народов мира. Его дети трепетно хранят память о своих замечательных родителях. Друзья и близкие пишут добрые слова о прекрасных человеческих качествах и о значимости творчества Михаила Юрьевича. А я написала сейчас все это, и с опаской взглянула на портрет Миши. Он смотрит на меня пронзительными умными глазами, улыбается легкой обезоруживающей улыбкой. Словно успокаивает, но при этом и спрашивает о чем-то, ждет ответа. И он, этот ответ, складывается в моем сознании как-то сам собой. Он короток и кроток в словесном выражении. Спасибо за то, что сделали и написали, взволновали наши души, заставили глубже задуматься о жизни и ее потаенном смысле, спасибо за то, что щедро дарили дружеское участие. За то, что в этот ваш юбилейный год вы, как всегда, оказались рядом в нужное время и легко разрушили песочную крепость моего иллюзорного «табу» на даже самые лучшие воспоминания о прошедшем. За то, что вдруг именно в настоящее мгновение ярко высветили в памяти строки нежно любимой всей вашей семьей и отвечающей вам пылкой взаимностью Беллы Ахмадулиной:

*О Грузия, лишь по твоей вине,
Когда зима грязна и белоснежна,
Печаль моя печальна не вполне,
Не до конца надежда безнадежна.*

Не может быть безнадежной надежда, охраняемая памятью о такой яркой и надежной личности, какой был талантливый писатель и замечательный человек Михаил Юрьевич Лохвицкий.

Ирина ШЕЛИЯ
Москва-Тбилиси,
август 2012 г.

Ирина Шелия (творческий псевдоним – Арина Борисова) – живет и работает в Москве, литератор, журналист, литературовед-достоиевист, переводчица. Работала в газете «Известия», на первом канале Российского телевидения в компании известного кинодокументалиста Вахтанга Микеладзе, в аппарате Союза журналистов СССР. Автор многочисленных работ в области литературной и театральной критики, популярного у читателей романа «Арабеск на мокром асфальте» в детективном жанре, редактор-сценарист. Ирина Борисовна начала свой творческий путь в Тбилиси: окончила факультет журналистики Тбилисского университета, работала в отделе литературы и искусства газеты «Заря Востока», в русской редакции Грузинского телевидения, публиковала рецензии, театральные аналитические статьи и переводы в газетах, журналах «Сабчота хеловнеба» и «Литературная Грузия».

ЧТО УДЕРЖАЛОСЬ В СОЗНАНИИ

Окончание

ВСЕ МЫ ВЫШЛИ ИЗ ТБИЛИССКОГО ТЮЗА

Мое детство, как и детство большинства моих сверстников, без преувеличения прошло в очередях – за сахаром, маслом, крупами... Придя из школы, я тут же направлялся на «охоту» за дефицитными продуктами. Справедливости ради надо сказать, что никто в семье меня не понукал, не заставлял это делать. Но мы росли, сознавая, что в это трудное время нужно помогать родителям. В очередях, нескончаемых, изматывающих, приходилось простаивать часами на улицах, в подворотнях, во дворах. Даже в довоенные годы, когда мы с родителями приезжали летом в Москву, тоже металась по магазинам (в столице, правда, очереди были поменьше), запасая перед возвращением в Тбилиси все то, что там было трудно достать. А чтобы купить мне ботинки, мы с папой как-то простояли в Тбилиси целую ночь перед обувным магазином и только наутро были «осчастливлены» парой новых туфель. Нет, моим внукам не понять того времени... Тех житейских бед и радостей. Радостей по поводу самой скромной покупки.

Очереди в Грузии имели свою «специфику». С учетом местной ментальности, бурного темперамента кавказских мужчин все очереди здесь были поделены надвое: одна очередь была женской, другая – мужской, подальше от женских чар, от женских тел.

С годами, особенно после начала войны, эти очереди, теперь уже для «отоваривания» по карточкам, становились все длиннее. Самыми изнурительными были

очереди за керосином (газа-то не было, да и электричество часто отключали), ведь жили при керосинках и керосиновых лампах.

Ближайшая керосиновая лавка находилась в подвале как раз на нашей Боржомской улице. И к ней с вечера выстраивались люди с бидонами и бутылками, которые всю ночь с грохотом передвигались под нашими окнами.

В нелегкие довоенные и военные годы наше детство скрашивал лишь один гостеприимный дом в Тбилиси, который был знаком каждому школьнику, – русский ТЮЗ. Театр юного зрителя. Вообще-то он объединял много чего и потому назывался очень торжественно – Дом художественного воспитания и технической пропаганды среди детей имени... Лазаря Моисеевича Кагановича, нашего большого шефа, сталинского наркома. Очевидно, под технической пропагандой подразумевалась первая в Союзе Детская железная дорога в парке «Муштаид». Еще при этом доме выпускалась раз в неделю многотиражная газета «Дети Октября», которая делалась руками ребят, учащихся старших классов, тоже единственная в своем роде. Издателем ее, как бы сказали сегодня, был директор Дома художественного воспитания, неумный человек, любимец детворы Константин Сергеевич Вайсерман, которого мы между собой ласково называли Костик. Он на всякий случай все же заходил в типографию проглядеть очередную номер газеты. А еще был старый метранпаж. Вот и все взрослые на эту газету. В пятом классе, перед очередной поездкой в Москву, я полу-

чил необычайно важное задание от редакции написать заметку о другой ДЖД, построенной в столице, в парке Сокольники. Проявив взрослую самостоятельность, я отправился туда на метро сам, со справкой в кармане, которая свидетельствовала, что я являюсь специальным корреспондентом газеты «Дети Октября». Это было первое в моей жизни журналистское задание, собственно, дебют в журналистике, которой я впоследствии немало и увлеченно занимался.

Кажется, уже в шестом классе я стал ответственным секретарем «Детей Октября» и этим очень гордился. Незадолго до меня редактором этой пионерской многотиражки был старшеклассник (он на три года старше меня) Густав Айзенберг, мой друг, ставший потом известным сценаристом Анатолием Гребневым, моим соавтором по многосерийному художественному фильму «Карл Маркс. Молодые годы».

И все же главным в Доме художественного воспитания в Тбилиси был замечательный ТЮЗ, ютившийся в пристройке старой гостиницы.

ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ

В 44-й русской школе в Тбилиси, где я поначалу занимался, состав учителей, как и учащихся, был интернациональный – русские, грузины, армяне, греки, азербайджанцы. Стало уже банальностью говорить, что в те времена, во всяком случае среди ребят, никто не интересовался, кто какой национальности. Моими лучшими друзьями стали армяне братья Яраловы и полуполяк-полуармянин Игорь Горонович. Осенью 1942 года меня перевели в 5-ю школу, которая, будучи подведомственной Министерству путей сообщения, называлась железнодорожной. Туда я и пришел в восьмой класс. Ребята почему-то сразу прониклись ко мне симпатией и даже избрали меня, чужака, старостой, что, видимо, очень смутило классную руководительницу, до которой уже докатилась молва о моем «злостном хулиганстве».

Этой новой школе я обязан очень многим. Здесь началось мое более осмысленное увлечение литературой. Этот предмет преподавала Елена Константиновна Науменко, которую моя мама помнила еще по совет-

▲ Лия Добродеева с супругом

ской учебе в гимназии. Удивляюсь, как в то идеологизированное, опасное время Науменко свободно, крепко вела свои уроки, избегая модных в ту пору «социальных» прочтений классики. И хотя я прочулся

у нее всего полтора года, уйдя потом в школу с ускоренным выпуском – экстернат, уроки Елены Константиновны я запомнил надолго. Добрым словом не раз вспоминал нашу учительницу литературы и еще один ее бывший ученик – Марлен Хуциев.

Однажды во время урока зоологии, которые вела древняя глубоко несчастная старуха, над которой мы, балбесы, нещадно издевались, устраивая жуткий бедлам, из коридора в класс заглянула какая-то чернявая физиономия в очках и начала строить нам рожи. Раздался гомерический хохот.

- Кто это? – полюбопытствовал я.

- Да это Хуциев из девятого «А».

Так я впервые увидел одного из нынешних классиков советского кино Марлена Хуциева, с которым не так уж часто общался в той школе.

Спустя три года у меня произошла с ним новая встреча.

Я только что окончил первый курс сценарного факультета ВГИКа и приехал на каникулы в Тбилиси. Узнав об этом, Марлен пришел ко мне домой посоветоваться, ехать или не ехать в Москву поступать в наш институт. К тому времени Хуциев уже устроился на студию «Грузия-фильм» помощником режиссера. Я посоветовал все же рискнуть, хотя и не знал, чем может для Марлена закончиться эта непредсказуемая затея. Приемные экзамены во ВГИК почти всегда лотерея.

Когда осенью я вернулся в Москву, то встретил Марлена в институте уже студентом режиссерского факультета. Он, молодец, поступил. И, конечно, без всякой протекции.

Ходили мы в ТЮЗ на спектакли по абонементам, заранее испытывая трепетное волнение. Каждое представление начиналось исполнением особого ритуала. На сцене перед занавесом появлялся наш любимый Костик и, чтобы взбодрить юных зрителей, дать стимул для хорошего восприятия спектакля, он начинал под музыку маленького тюзовского оркестра сам делать на сцене зарядку, требуя, чтобы вместе с ним делали и все мы. Несмотря на почтенный возраст, Костик легко приседал, подпрыгивал, делал разные кульбиты. И мы радостно их повторяли. После этого распахивался занавес и начиналось долгожданное представление.

Русский ТЮЗ в Тбилиси в довоенные годы был замечательно талантливым коллективом, которым руководил Маршак – однофамилец известного советского писателя. Ставил в нем спектакли и молодой режиссер, недавний выпускник ГИТИСа Гога Товстоногов, будущий великий мастер сцены.

После войны Товстоногов покинул Тбилиси и, недолго поработав в Москве, в Центральном детском театре, перебрался в Ленинград, в Театр Ленинского комсомола. Здесь он, отдавая неизбежную дань «идейному» репертуару, поставил спектакль «Из искры» по пьесе грузинского драматурга Шалвы Дадiani о начале революционной деятельности Сталина. На роль молодого Кобы Товстоногов пригласил старого приятеля из тбилисского ТЮЗа Евгения Лебедева, в будущем – актера Большого драматического театра (БДТ). Спектакль был удостоен Сталинской премии и обоим – и Товстоногову, и

Лебедеву – была открыта «зеленая улица» в большое советское искусство. Я пишу об этом без всякой иронии. Таковы были правила, таковы были условия существования деятелей культуры.

Товстоногов возглавил БДТ имени М. Горького (теперь названного именем самого Г.А. Товстоногова), где смог реализовать свой мощный режиссерский талант, создать свои эпохальные спектакли.

Тбилисский ТЮЗ довоенной поры сумел собрать прекрасных актеров, хотя, конечно, первую скрипку там играл Евгений Лебедев. Я прекрасно помню удивительный спектакль «Бедность не порок», где он исполнял роль Любима Торцова. Вспоминаю неподражаемые интонации его голоса, которые потом так поражали всех в знаменитом спектакле БДТ «Холстомер». Играть в ТЮЗе и другие талантливые актеры: Юдин, Новиков, Бубуташвили, Нерясов, Кирова и Гутманович, мать известного ныне телевизионного режиссера-постановщика музыкальных ревью Евгения Гинзбурга. А его отец Александр Гинзбург был режиссером нашего ТЮЗа.

Нескромно перефразируя известное выражение: «Все мы вышли из гоголевской «Шинели», могу с уверенностью сказать, что из русского ТЮЗа, из Дома художественного воспитания в Тбилиси вышло много известных деятелей кино, театра и литературы. Боюсь, что назову не всех, но попытаюсь их перечислить. Не считая Товстоногова и Лебедева, это кинорежиссеры Лев Кулиджанов и Марлен Хуциев, сценаристы Анатолий Гребнев и Даниил Храбровицкий, заместитель главного редактора журнала «Пионер», литератор Виль Орджоникидзе, прозаик Михаил Лохвицкий, режиссер Юрий Кавтарадзе и многие другие. Увы, большинство из них уже ушли из жизни.

Я убежден, что интерес к журналистике, любовь к театру, в широком смысле – вообще к искусству, зародились во мне именно там, в ТЮЗе, в довоенные годы. И всегда с благодарностью помню это.

ВОЙНА

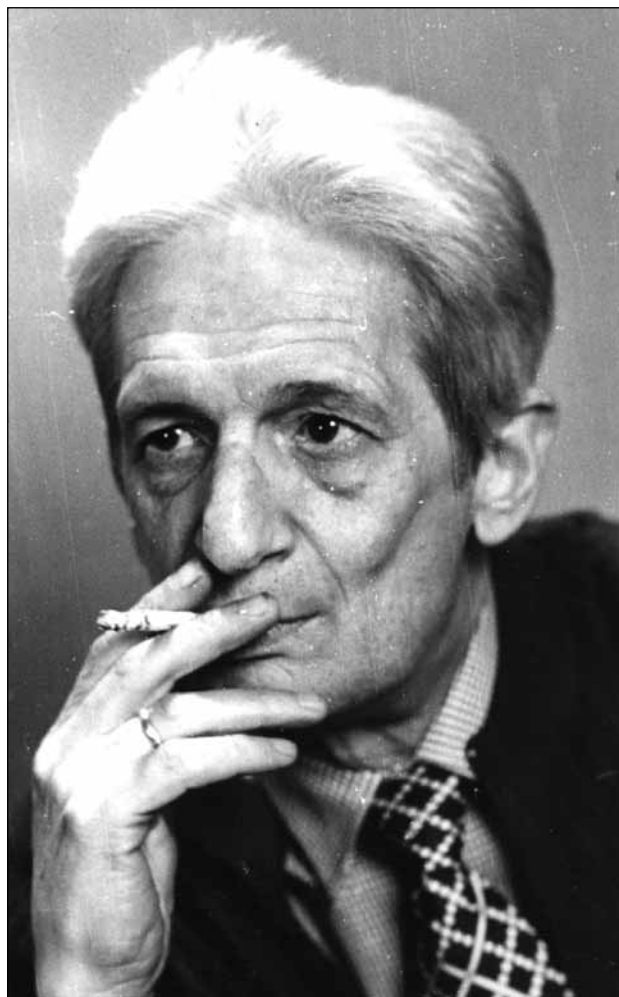
Хорошо помню то воскресенье 22 июня.

Наша соседка Дина Долаберидзе крикнула маме с балкона: «Юлия Яковлевна! Включите скорее радио. Война!»

Все жильцы нашего дома на Боржомской улице высыпали на веранды, вышли во двор. Запрятались женщины. Никто не хотел верить, что то, чего так всегда боялись, обрушилось на нас. Первая мысль была об отце: неужели и он уйдет на фронт? Папу в его 51 год вполне могли призвать, тем более что он уже служил в Красной Армии, регулярно проходил военные сборы и числился военврачом 2-го, а потом 1-го ранга в запасе. Однако сразу же всем работникам железнодорожного транспорта была дана бронь, и папу назначили начальником санитарно-эпидемической станции тбилисского железнодорожного узла. Он встречал десятки пассажирских поездов и эшелонов с ранеными, проверял их санитарное состояние. Тогда опасались эпидемий тифа, дизентерии и других заразных заболеваний.

А вот сестру мою Лию едва не мобилизовали. Ее, как и многих студенток Тбилисского университета, куда она поступила на филфак, решили сразу же призвать в армию. Папа проявил героические усилия, и ему удалось убедить комиссию, что у Лии с рождения в голодном 1922 году действительно слабый организм. И она, слава Богу, на фронт не попала. Все-таки не женское это дело.

Не потому, что Лия моя любимая сестра, хочу сказать, что она была совершенно исключительным человеком, кристально честным, бескорыстным, самоот-

▲ Владимир Осинский

верженным.

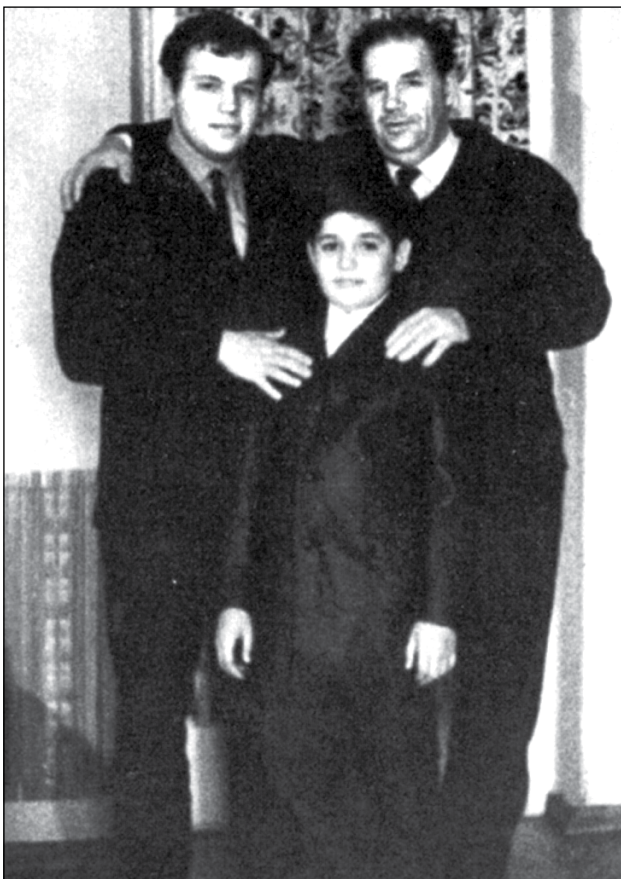
После окончания Тбилисского университета у нее не было особого выбора, и она пошла работать литсотрудником в республиканскую комсомольскую газету, называвшуюся (ну как же иначе!) «Молодой сталинец», а потом перешла в республиканскую «взрослую» газету на русском языке «Заря Востока». Она хорошо писала, много печаталась. И стала заслуженным журналистом Грузии.

Лия ушла из газеты и стала заместителем главного редактора очень популярного в ту пору (и не только в Тбилиси) журнала «Литературная Грузия», потом заведующей отделом критики и публицистики.

В этом журнале Лия проработала 32 года. Надо сказать, что все московские прозаики и поэты, терзаемые в столице цензурой, много публиковались в «Литературной Грузии», где цензура была, видно, более снисходительна. Лия была исключительно скромным человеком, лишенным каких-либо творческих амбиций, хотя у нее было хорошее перо и отменный вкус. Она что-то писала «в стол» и, как говорила мне мама, вскоре уничтожала.

Когда родители состарились, ей пришлось много лет ухаживать за ними. Это было нелегко, но она никогда не жаловалась. Дальше Москвы и Минска (где жили родственники ее мужа) она никуда не выезжала. А когда ее пригласили однажды погостить в Германию, ей в ОВИРе отказали – у Лии не было детей, а следовательно, и «заложников».

Тяжелый удар обрушился на сестру, когда неожиданно заболел и умер ее муж, известный в Грузии про-

▲ Борис Добродеев с сыном и внуком

заик и журналист Владимир Осинский. Она осталась совсем одна, но переехать ко мне в Москву отказалась. В Тбилиси она родилась, прожила всю жизнь и там хотела умереть. Проститься с ней в августе 2005 года пришли все, кто знал ее и любил. И газета «Свободная Грузия» посвятила ей проникновенный некролог. Прощай, дорогая сестра.

СНОВА В МОСКВУ

Итак, многострадальный аттестат зрелости получен, и настало время решить, куда же поступить учиться дальше. Каким-то образом тем летом 1944 года я получил в Тбилиси справочник всех московских вузов. Но института журналистики, о котором я мечтал, – после «детей Октября» я самонадеянно считал себя начинающим журналистом и хотел попасть именно туда – в Москве не обнаружил. Как же быть? Филологический факультет меня не привлекал. Порывшись в справочнике, я нашел два других варианта – Институт между-

народных отношений с отделением международной журналистики и Всесоюзный государственный институт кинематографии, где был сценарный факультет. Я решил действовать наверняка и направил свои документы в приемные комиссии обоих вузов, так как лишь по их вызову мог приехать в столицу – по условиям военного времени требовался пропуск. И я получил два вызова сразу. Но во ВГИК надлежало еще представить какие-нибудь свои литературные опусы. Уж не помню, что я там «накатал», но послал.

Конечно, моя затея казалась абсолютной авантюрой. Папа и мама получали такие крохи, что этих денег едва хватало, чтобы прокормить семью. Мы совсем запутались в долгах и вскоре пришлось «самоуплотниться» – из двух комнат одну продать соседям.

А тут еще моя поездка... Я понимал, что не могу ждать от родителей материальной поддержки, но юность безоглядна.

Когда мои близкие поняли, что с моей стороны это не пустые разговоры, что я действительно решил уехать в Москву, они очень расстроились, хотя и понимали, что учиться в Тбилиси мне действительно негде. Им было не только страшно отпускать из дома меня, еще юнца, в такое трудное военное время. Им надо было при всей нашей тогдашней бедности как-то экипировать меня, потому что все на мне давно износилось, да я еще так вытянулся, что почти ничего из прежней одежды не годилось. У меня не было ни пальто, ни костюма, ни обуви. И мама решила пожертвовать очень для всех нас дорогой вещью – пианино дяди Эрнста, подаренным нам тетей Лицци. Для мамы, любившей иногда помузицировать, это была немалая жертва.

Расставшись с пианино, мы отправились на знаменитый вещевой рынок в Сабуртало, где уже вовсю торговали «американскими подарками» – продуктами и промтоварами, поступающими в сражающуюся против фашизма Россию по ленд-лизу, часть которых неизменно оказывалась в руках спекулянтов.

Там, на рынке, я впервые был одет, как «денди лондонский», в очень приличное пальто, костюм и солдатские ботинки. Мне было немного стыдно, что одели меня, а не сестру Лию, тогда уже барышню, студентку-третьекурсницу.

И вот настал день отъезда. Поезд тронулся. Я прижался лицом к оконному стеклу. Когда увидел идущих за вагоном моих уже немолодых растерянных родителей и сестру, сердце сжалось. Зачем я оставляю их? Куда еду? Выдержу ли это самостоятельное «плавание»? На секунду мне стало страшно. Но назад пути уже не было. Я перешагнул свой Рубикон. Так в 17 лет началась моя взрослая жизнь.

Борис ДОБРОДЕЕВ

ОТ БАЙРОНА ДО НАШИХ ДНЕЙ

Многие годы слежу за литературной деятельностью Нуну Кереселидзе и могу сказать – нравится мне, с каким благоговением относится она к художественному слову. Дешевой шумихе и рекламе предпочитает быть в тени и неустанно трудиться, и потому свой юбилей встречает щедрыми плодами долголетней творческой деятельности.

В молодости Нуну Кереселидзе первые детские стихи опубликовала в журнале «Дила» и сразу же привлекла внимание читательских кругов. Впоследствии были изданы несколько ее прекрасных детских книг, полных доброты, любви, тонкого юмора и тайной печали. Вообще ей очень близок мир малышей, и это обусловило то, что она чудесно перевела английские народные детские стихи, вошедшие в книги «Человек сна – Вилли Винкли» и «Волшебная корзинка». С большим мастерством поэтесса передала музыкальность оригинала, основанного на виртуозной игре слов, что обеспечило этому циклу большую популярность.

Нуну Кереселидзе – чистый лирик и часто свою душу и чувства выражает в миниатюрах.

У нее редкая способность познать таинственный дух предметов, создать соответствующее настроение. Примером может служить хотя бы этот стих:

*Не хочется куколке быть куклой,
Иногда куколка плачет и причитает,
Куколка хочет иметь желание.
Не хочется куколке всегда быть куклой,
Но никто ее не слышит, увы и жаль!*

В поэтический сборник «Эхо одного дня» вошли ее лучшие творения – как оригинальные стихи, так и переводы, отмеченные чуткостью и красотой поэтического слова.

Главная заслуга Нуну Кереселидзе в том, что многие годы она посвятила переводам русской поэзии – Пушкина, Лермонтова, Пастернака, Цветаевой, Брюсова, Тарковского.

По мастерству и близости к оригиналу заслуживает быть отмеченным перевод блестящего стихотворения Арсения Тарковского «Дождь в Тбилиси», посвященного грузинской музе поэта – Кетеване Ананишвили.

Особо нужно отметить книгу переводов из Анны

▲ Нуну Кереселидзе

Ахматовой под названием «Я похоронила веселую птицу». В книгу Н.Кереселидзе, кроме избранных стихов, вошли сложное эпическое творение «Поэма без героя», а также три стихотворения прославленных «Северных элегий», перевод которых требует большого труда и высокой поэтической культуры.

Широкий диапазон творческой деятельности Н.Кереселидзе подтверждают переводы Шекспира, Байрона, Шелли, Элиота, Фроста и других классиков мировой поэзии.

Эмзар КВИТАИШВИЛИ

ЦВЕТЫ ДЛЯ ЭЛИСО ВИРСАЛАДЗЕ

От всей души, с любовью и чувством глубокого уважения поздравляем великую пианистку, нашу дорогую Элисо Вирсаладзе со славным юбилеем.

Элисо Константиновна Вирсаладзе – краса и гордость грузинской музыкальной культуры, одна из самых замечательных пианисток, которых когда-либо доводилось слушать.

С именем Э.Вирсаладзе связаны незабываемые, очень светлые и дорогие воспоминания. Радостным для меня, тринадцатилетнего мальчика, был уже день ее рождения 14 сентября 1942 года, когда я пришел на урок к ее бабушке – выдающемуся педагогу, профессору Анастасии Давидовне Вирсаладзе.

Разве мог я тогда представить себе, что этот солнечный сентябрьский день окажется столь счастливым для грузинского музыкального искусства и Грузии в целом!

Помню первые шаги Элисо в прямом и переносном смысле, ее первые выступления на концертной эстраде. Вот она – маленькая девочка, пятиклассница – с необыкновенной серьезностью и безупречной профессиональной пунктуальностью исполняет II фортепианный концерт Бетховена, а вскоре после этого в 1956-ом, вместе со своей бабушкой участвует в концерте Государственного струнного квартета Грузии, вызывая овацию зала.

И, все-таки, можно сказать, что музыкальная общественность впервые по достоинству оценила ее талант и профессиональный потенциал в первом клавирабенде – 16 октября 1958 года, когда юная пианистка предстала перед публикой, как художественно зрелый и ярко одаренный музыкант.

На этот концерт я откликнулся тогда статьей в журнале «Сабчота хеловнеба» (1959 №1). Перечитав недавно эту первую, вообще, журнальную статью об

Элисо Вирсаладзе, я убедился, что в ней сконцентрировано все то основное, что в последующие десятилетия было написано мною, да и другими авторами, о замечательной пианистке. И объясняется это, конечно же, не какой-то особенной моей «критической пронизательностью», а тем, что 16-летняя пианистка предстала тогда перед слушателями, как художник высокого артистического ранга, со своим ясно и ярко выраженным индивидуальным творческим почерком. А это невозможно было не заметить и не оценить.

Разрешу себе привести цитату из упомянутой статьи: «Горячая, восторженная любовь к музыке является самой яркой отличительной чертой исполнительского искусства, да и всей артистической природы Э.Вирсаладзе в целом. Именно она придает ее игре ту «искру божью», без которой немислимо подлинно высокое, вдохновенное творчество... Тонкое ощущение музыкального стиля произведения, благородный вкус, чувство художественной меры – вот «альфа и омега» исполнительского искусства Элисо.

Особенно привлекает пианистку музыка, богатая тонкими душевными нюансами, в которой органически сочетаются эстетические и эмоциональные моменты. Вот почему так замечательно звучат у нее произведения Моцарта и композиторов-романтиков. Можно смело сказать, что уже сейчас она готова для выхода на широкую международную арену...»

Последующие годы сполна подтвердили эти слова. Первой кульминацией артистической карьеры пианистки стало выступление в Москве весной 1962 года, на Втором международном конкурсе им. П.Чайковского, одним из героев которого она стала.

А еще через несколько лет (1966) Элисо была удостоена I премии на международном конкурсе им. Р.Шумана в его родном городе – Цвиккау.

▲ Анастасия Вирсаладзе

Успехи следовали за успехами, гастроли за гастролями, по странам Европы, Америки, Японии...

С удовольствием вспоминаю общение с Элисо в середине 70-х годов, когда я готовил книгу об Анастасии Вирсаладзе. Я записал тогда ее воспоминания о своей бабушке и главном педагоге, которые были напечатаны в журнале, а затем вошли в книгу.

Несколько десятилетий имя Элисо Константиновны Вирсаладзе украшает мировую пианистическую элиту. Ее искусство получило и получает высочайшую оценку как специалистов-профессионалов, так и всегдашних концертных залов.

Приведу лишь два отзыва авторитетнейших музыкантов: «Элисо играет так, будто сама сочинила музыку – вдохновенно, поэтически» (Г.Г. Нейгауз), «Это артистка большого масштаба, может, самая сильная пианистка-женщина» (С.Т. Рихтер).

Одно из зарубежных изданий (The New Times) так озаглавило свое интервью с пианисткой: «Элисо Вирсаладзе – из тех музыкантов, которых признают великими уже при жизни». Поистине. Конечно же, с большим удовольствием присоединяемся к этим прекрасным словам.

За последние десятилетия, благодаря телевидению, мы приобщились к творчеству замечательных пианистов всего мира, что, конечно же, обогатило наши представления об исполнительском искусстве, в целом расширило художественные горизонты слушателей. Не знаю, как для других, но для меня Элисо Вирсаладзе по-прежнему остается пианисткой №1, исполнение которой доставляет наибольшую эстетическую радость и удовлетворение.

Действительно, кто из современных пианистов играет произведения Шумана, Шопена и Шуберта так, как она? По моему – никто. Я назвал лишь

трех гениальных композиторов, а ведь репертуар Э.Вирсаладзе практически включает всю мировую фортепианную классику.

Окончив Тбилисскую консерваторию в 1964 году, она прошла курс аспирантуры в Московской консерватории под руководством выдающихся пианистов и педагогов Г.Нейгауза и Я.Зака, выступала с прославленными симфоническими оркестрами и дирижерами всего мира.

С 1967-го Элисо Константиновна – педагог, с 1979-го – профессор Московской консерватории, а с 1993-го, по совместительству, профессор Мюнхенской «Высшей школы музыки» (консерватории).

Разумеется, она не прерывает тесных связей со своей родиной. Приезжая, проводит концерты и мастер-классы в Тбилисской консерватории.

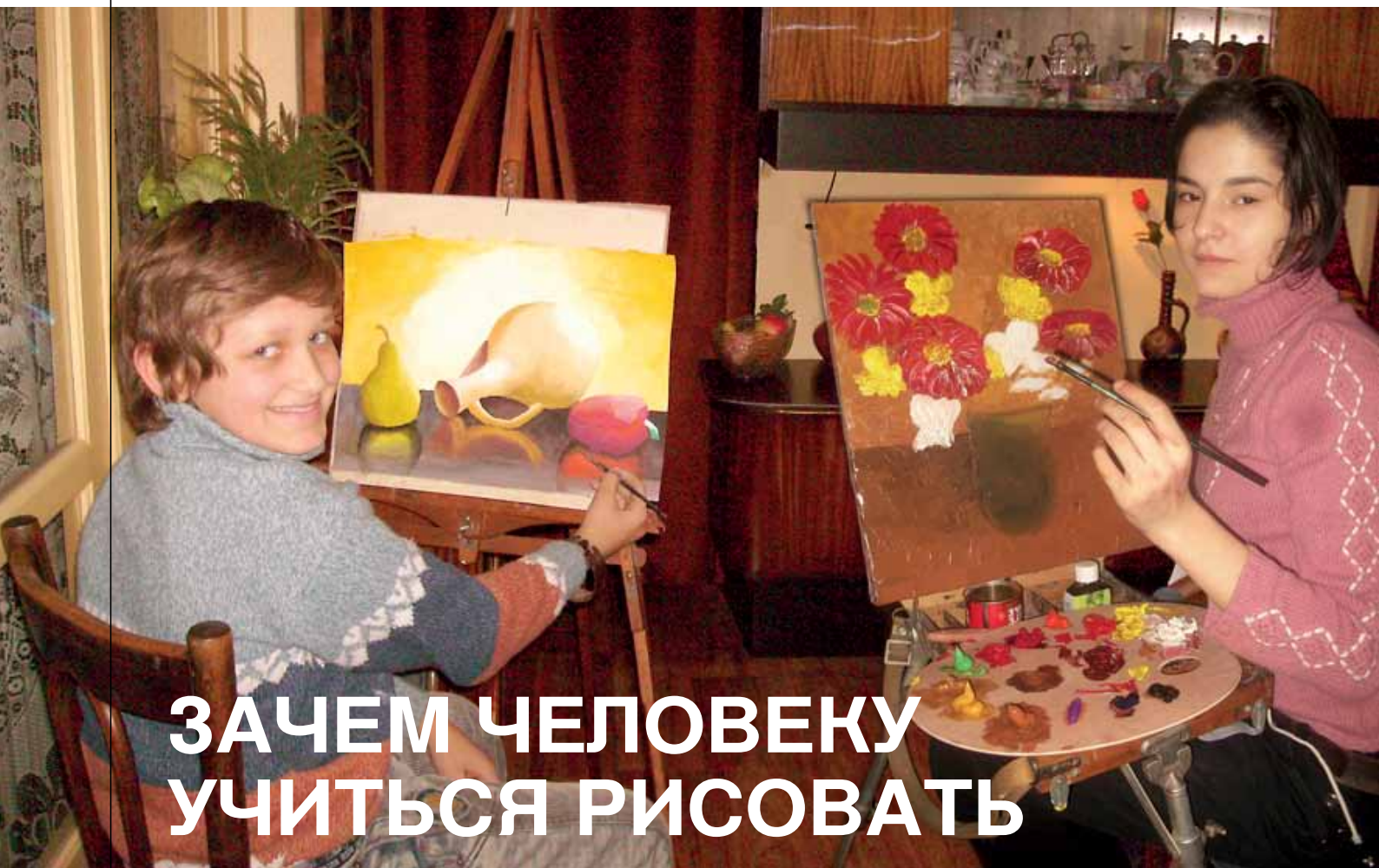
И еще об одном очень важном и замечательном культурно-музыкальном свершении великой пианистки Элисо Вирсаладзе.

В 1984 году она основала в городе Телави семинар-фестиваль «Хвала лозе», в котором участвуют многие известные музыканты, в том числе друг и творческий партнер Элисо – выдающаяся виолончелистка Наталия Гутман, а также студенты консерватории и учащиеся музыкальных школ.

Телавские фестивали стали важной составной частью музыкальной жизни Грузии, культурно-воспитательное, нравственное и эстетическое значение которых, поистине, трудно переоценить.

А давнишняя мечта грузинской музыкальной общности – увидеть великую пианистку Элисо Вирсаладзе профессором Тбилисской консерватории, воспитателем нашей музыкальной молодежи.

Гулбат ТОРАДЗЕ

ЗАЧЕМ ЧЕЛОВЕКУ УЧИТЬСЯ РИСОВАТЬ

Ангелина Гоголадзе (Красникова) – художница. Родилась в Тбилиси. Окончила художественное училище им. Я. Николадзе и Тбилисский государственный университет (отделение живописи). Член Союза художников Грузии. Работала мультипликатором на киностудии «Грузия-фильм», главным художником газеты «Ленинское знамя», в рекламном агентстве при Министерстве культуры Грузии, по договору в Москве дизайнером интерьера. В данный момент работает большей частью во фрилансе, а также является руководителем детской изобразительной студии. Награждена медалью и дипломом лауреата Международного фестиваля народного творчества. Удостоена почетного звания и диплома «Лауреат общественности России» в номинации «Люди великого таланта».

Судьба, как правило, не скупится на дары. Одаряет и талантами, и шансами.

Но, как уже давно сказано, мы ленивы и нелюбопытны. И таланты свои закапываем в землю, и шансы не используем. Словом, живем так, словно в запасе есть еще несколько жизней.

А бывает, что судьба расщедрится особо. Именно так произошло с Ангелиной Гоголадзе. Ей доступна целая россыпь умений – живопись, графика – иллюстрирование, создание экслибрисов, дизайн одежды, интерьеров, лепка, аппликация, мозаика, роспись по дереву, дизайн и шитье мягких игрушек... К тому же Ангелина – амбидекстер, то есть, как объясняет энциклопедический словарь, у нее «врожденное равное развитие функций обеих рук без выделения ведущей

руки и способность выполнять двигательные действия правой и левой рукой с одинаковой скоростью и эффективностью».

Вот такая история – Ангелина не только прекрасно рисует, но делает это обеими руками. И что прикажете делать с таким даром? Наша героиня решила поделиться – не только творить самой, но и учить всех желающих (всех без исключения!). И вот на протяжении многих лет в Тбилиси действует изобразительная студия Ангелины Гоголадзе, в которой дети и взрослые имеют возможность обучаться по уникальной авторской методике. Результаты видны уже спустя два часа после начала занятий – даже у тех, кто совершенно не умел рисовать и не имел творческих данных.

Но, как говорится, обо всем по порядку.

У Ангелины, Лины, как ее называют друзья, сколько она себя помнит, карандаши в руках были всегда. Она и по сей день помнит деревянную коробку с карандашами, которую ей подарила бабушка. Девочка рисовала ими до тех пор, пока их стало невозможно поточить. Лина с такой нежностью вспоминает свои первые карандаши, что я поневоле спросила:

- Ни одного не сохранили на память?

- Нет... Но у меня цела кисточка, которой я рисовала еще школьницей. Не понимаю художников, которые говорят: «Ой, я такими кистями работать не могу». Но если очень хочешь рисовать, нарисуешь и палочкой, и веточкой, и чем угодно. У меня был знакомый художник, у которого на полке стояли роскошные кисти, очень дорогие. Спрашиваю его: «Почему не рисуешь?» - «Кисти жалко» - «А почему другими не рисуешь?» - «А другими я рисовать не могу». Классная отговорка!

Лина рисовала постоянно. Карандашами, кистями. И – обеими руками.

В основном левой. А когда уставала, то правой. Первым учителем стал дедушка, который рисовал для внучки человечков – точка, точка, запятая... И Лину уже было не остановить. Вскоре примитивные человечки превратились в людей, а детские наброски – в картины.

Справедливости ради надо сказать, что в детстве Лина категорически заявляла, что станет художником, балериной и астрономом. Она стала художником, она танцевала в ансамбле современных и балльных танцев, а вот астрономия... Первый урок в десятом классе прошел так неинтересно и скучно, что любовь к астрономии закончилась. А любовь к звездам осталась. Кроме того, у Ангелины Гоголадзе теперь, можно сказать, собственная астрономия – она зажигает свои звезды, открывая таланты в учениках.

Художественное училище она закончила в 1980 году экстерном, за два года. Педагогами Ангелины были известные живописцы – член Союза художников СССР, заслуженный художник Грузии Реваз Кечакмадзе и член Союза художников Грузии Автандил Попиашвили. На защите диплома председатель комиссии профессор Отар Джапаридзе был в восторге от ее картины «Мой дворик» и оценил ее на «отлично». Кстати, эту картину похищали (но – спасибо милиции 1980-х – она была найдена), ее неоднократно пытались у Ангелины купить, и за немалые деньги, но расстаться с ней она не в состоянии. «Я не могу продать память о дворике из детства» - это ее слова.

Полученного образования Лине показалось недостаточно, и в 1985 году она окончила отделение живописи Тбилисского государственного университета, где ее педагогом стал заслуженный художник Грузии Мамия Ахобадзе.

Будучи студенткой, она начала преподавать – вела уроки рисования в 4-6 классах средней школы. Но у юной учительницы поначалу возникла проблема – хрупкую девушку никто не принимал за педагога, ученики думали, что она старшеклассница, а учителя строго спрашивали, что это ей понадобилось в учительской. И лишь учащиеся младших классов с детской непосредственностью восхищались: «Ой, какая вы красивая! Как вы похожи на Золушку из фильма «Три орешка для Золушки»!

Авторского метода обучения Ангелины Гоголадзе тогда еще не существовало. Она добросовестно проводила уроки, но, как сама признается, «это было не то». И важнейшая из причин в том, что в обыкновенном школьном классе большая часть рисовать все-таки не хочет, им неинтересно. Очень хотят рисовать обычно

▼ Ангелина Гоголадзе с Отаром Джапаридзе

2-3 человека в классе. Не больше. А для Лины самое главное – и это обязательная составляющая ее метода – чтобы хотели. В итоге она из школы ушла. Просто скажем, преподавать в средней школе было ей не по душе.

Потом она начала работать художником в редакции газеты. Между прочим, там хорошо платили, плюс гонорары за рисунки, плюс заказы... Когда Лина пришла получать гонорар за первый крупный заказ, то просто не смогла его унести. Перед ней на стол выложили гору банковских упаковок – три с половиной тысячи рублей (по советским меркам – это как раз астрономия). Пришлось вызывать подмогу в лице мамы.

Работала Ангелина и мультипликатором на киностудии – причем устроилась волонтером. Ей было интересно освоить фазовку – прорисовку промежуточных фаз между ключевыми кадрами, и два года она полноценно занималась мультипликацией, не получая ни копейки.

А затем Лина устроилась на работу в рекламное агентство Министерства культуры. Через год начальник стал ее мужем. Кстати, счастливое для нее число – 13. Она успешно окончила тбилисскую школу №13. На работу, где познакомилась с будущим супругом – Георгием Гоголадзе, пришла устраиваться тринадцатого. Объяснился Георгий тринадцатого и был три-

▲ Самая юная художница студии

надцатым, кто сделал ей предложение... А когда они пришли в загс, то дама, принимавшая заявление, захотела немного подзаработать, и сказала, что все дни, к сожалению, заняты, и расписаться они смогут только 13 августа. Дама надеялась, что молодые окажутся суеверными и «отблагодарят» ее за возможность пожениться в другой день. Какова же была ее досада, когда жених и невеста радостно воскликнули: «Конечно, да! Только тринадцатого!»

Родились дети – дочь Кристина и сын Георгий. Лина оставила работу и засела дома с детьми, так и не сумев доверить детей няням – терпеть присутствие в своем доме постороннего человека ей было не по душе, и поэтому все хлопоты и заботы, связанные с воспитанием, взяла на себя. Единственный человек, с которым она совершенно спокойно могла оставить детей, если приходилось отлучиться, – муж. Он все делал безупречно.

И только спустя годы, когда дети подросли, Лина решила возобновить работу. Хотя это было тяжелое время в истории страны – середина 1990-х годов. Но,

как мы знаем, музы не молчат даже тогда, когда говорят пушки.

На одной из выставок она встретила Нино Заалишвили, известного искусствоведа. Нино пригласила ее работать в детскую изостудию. И пошло-поехало.

Наверное, Ангелине потребуется усилие для того, чтобы вспомнить все ее изостудии. Первая – в Доме железнодорожников. А сколько их было потом! Где она только не арендовала помещения... Да еще в те годы – без тепла и света. Дети на занятиях рисовали в перчатках... В итоге Лина решила проводить занятия у себя дома. В ее мастерской есть мольберты, есть этюдники, вообще – все необходимое.

За это время метод Ангелины Гоголадзе сформировался и стал по-настоящему авторским.

- Я могу научить рисовать абсолютно любого человека, - говорит Лина. - Для меня уже давно стало привычным удивление родителей после первых же занятий: «Неужели это мой ребенок нарисовал?» Не буду вам объяснять суть моей методики. Скажу лишь, что точно знаю, в какое именно время надо предлагать ученику рисовать. Я просто чувствую на уровне подсознания, что в тот или иной момент в состоянии сделать ребенок или взрослый. Я никогда не дам задание, которое ученик не осилит, например, в шесть часов вечера, но зато знаю наверняка, что он справится с ним в четверть седьмого, а он сам еще об этом не догадывается. И как только я это поняла, а это произошло в 1997 году, тут же перешла от школьной программы к авторской. Подход к каждому ученику у меня строго индивидуальный. Моим ученикам удается каждая работа. Это чрезвычайно важно, потому что придает уверенность в себе, которая и помогает быстрее продвигаться вперед. Я принимаю в студию детей с пяти лет, но бывают и исключения – одна из моих учениц начала заниматься в два года. Меня не интересует, есть у ребенка данные или нет. Условие только одно – учиться рисовать должен хотеть именно ребенок, а не его родители. Кстати, если бы вы знали, какие замечательные у моих учеников мамы, бабушки! В любую непогоду, в дождь и ветер они приводят детей на занятия, и делают это только потому, что так хотят сами дети.

Я люблю всех своих учеников, но особенно приятно заниматься с теми, кто совершенно не умеет рисовать, но очень хочет. Я обязательно научу. И эти дети будут получать призы на международных конкурсах. Кстати, мои ученики постоянно участвуют в конкурсах. К тому же нас теперь часто приглашают персонально, потому что уже знают или слышаны. Если говорить цифрами, то из десяти конкурсов в восьми они непременно становятся победителями и лауреатами. Например, на международном конкурсе детского рисунка «Нарисуй Мир Будущего» Третьего Всемирного Открытого Фестиваля детских и молодежных СМИ «Мир Глазами Детей» мои ученики завоевали все призовые места – три первых, два вторых и одно третье, а в мае этого года на международном конкурсе «Здоровье Планеты в моих руках» за картину «Я из маленькой Грузии, а люблю весь мир!» мой ученик получил специальный приз «Дружба народов». Вы знаете, без всякой ложной скромности я могу сказать, что мы выступаем на всех международных конкурсах от лица нашей любимой и прекрасной Грузии, прикладываем все свои умения и делаем это достойно.

Ангелина, в общем-то, не рекламирует свою изостудию. В конце концов, обучение рисованию не является для нее источником основного и большого заработка.

▲ После выставки студийцев

Это, как она говорит, для души. Поэтому она порой занимается безвозмездно. Ведь, к сожалению, у многих, кто хотел бы рисовать, нет возможности оплатить занятия, хотя плата в студии и так очень невелика. Но – и к этому нельзя относиться без понимания – Лина не может постоянно работать бесплатно. И она надеется, что найдется-таки меценат, который даст возможность учиться рисованию, а по сути, осуществить свою мечту, тем, кому это не по карману – в первую очередь, детям из малоимущих и многодетных семей.

Лина обязательно проводит выставки работ своих подопечных. Говоря откровенно, поскольку у студии нет спонсора, справляется сама – с помощью, конечно, друзей и родителей учеников. Выставки проходили в «Кавказском доме», в выставочном зале на Шардена, в Академии художеств, в Доме книги – ассоциации книголюбов Грузии, в Доме техники – учащихся и молодежи.

Организация выставок тоже становится своеобразным мастер-классом. Они отличаются стилем, красотой, уютом. На них никогда не забывают главных героев мероприятия – самих детей, которые всегда в центре внимания. Лина убеждена, что если она учит ребенка рисовать, значит, учит его и красоте – в том числе, как накрыть и украсить стол. Некрасивый стол можно, пожалуй, простить любому другому, но ни в коем случае не художнику. Выставочный фуршет обязательно должен быть оригинальным и элегантным. Поэтому каждая выставка, организованная А.Гоголадзе, - это и событие, и праздник.

«Обыкновенное мероприятие может остаться обыкновенным – просто салфетки, просто торт, хаос, кто успел, тот и съел. А я хочу, чтобы мои ученики делали из каждой выставки и фуршета стильное празднество. На наших выставках гармонично все: сочетание рамок, картин, их расположения. Даже торты в тему и готовятся по моим авторским эскизам, даже салфетки в тон».

И все-таки я не смогла удержаться от простого вопроса – зачем человеку учиться рисовать?

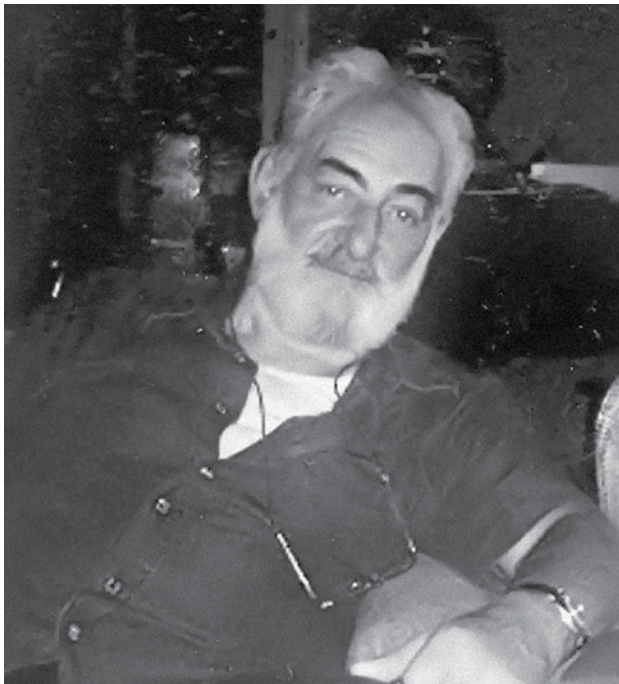
- Хороший вопрос, - с улыбкой сказала Лина. - И как сложно на него ответить... Я себя не представляю вне

моей профессии. Не получилось даже в воображении подобрать себе какое-нибудь другое занятие. Зачем рисовать?.. Я всегда говорю ученикам, что рисование развивает художественный вкус во всем. В дальнейшем, даже если не станут профессионалами, они будут со вкусом оформлять интерьер своего дома, расставлять мебель, грамотно подбирать тона и в одежде, и в быту. В целом будут по-другому смотреть на мир! Кстати, доказано, что дети, которые рисуют, раньше и быстрее учатся читать и писать и имеют хороший почерк. А еще рисование – это безусловная психотерапия. Попробуйте ради любопытства – начеркайте что-то в хорошем настроении, и радость ваша удвоится. Нарисуйте что-нибудь в плохом – и ваш рисунок вас освободит полностью. Но хочу дать один совет – хранить на видном месте рисунки, созданные в плохом настроении или во время болезни, не стоит. Их можно сохранить на память, но обязательно где-то спрятать. А вот вешать на стену не стоит.

Мы беседовали с Ангелиной Гоголадзе, и я пыталась понять, в чем секрет этого талантливого, творчески заразительного человека? Любовь к своему делу, энтузиазм, равнодушие, вера в прекрасное, любовь к человеку, надежда на лучшее? Да, конечно. Но не только. Думаю, что главной движущей силой для Лины, если угодно – основной мотивацией, все-таки является желание поделиться – умением, талантом, а в итоге – радостью.

- Прекрасно сформулировал Джеймс Кэмерон: «Творчеству научить нельзя, зато научить людей позволять себе творить – можно вполне». И я хочу собрать группу взрослых людей, - признается Лина. - Тех, кому за 30, за 40, у кого дети и внуки. Тех, у кого сохранилась мечта – научиться рисовать. Может, кто-то в детстве не дорисовал, или просто не сложилось... Ведь есть художники, которые начинали писать и в 40, и в 45 лет, и очень многого достигли. Я мечтаю собрать такую команду, а потом сделать выставку, первую в своем роде. Я уверена, что эти люди, увидев созданное своими руками и получив признание окружающих, были бы счастливы.

Нина ШАДУРИ

Распутиным не меньше двух недель, а когда перепил царского фаворита, тот согласился принять дары и подействовать. Но выполнить обещанное не успел – был убит.

Театральность у Дато в крови, и естественно, что он окончил Театральный институт. Работал в Гори, Сухуми, Телави и, конечно, в Тбилиси. Его имя вошло и в историю театра имени А.С. Грибоедова, в котором в 1985-87 годах он поставил «Смерть Тарелкина» Александра Сухова-Кобылина, «Всего лишь раз – и то во сне» Шадимана Шаманадзе и «Путь» Гурама Баташвили. Через несколько лет после этого он уехал в Израиль вместе с женой Линой, работавшей концертмейстером в Тбилисском оперном театре, на ее историческую родину. И в Иерусалиме сначала появилось кафе, а потом и единственный тогда грузинский ресторан «Кенгуру». Столь необычное название сам Дато объяснял очень просто: обещал другу, уехавшему в Австралию, хранить память о нем. Ресторан несколько раз менял адреса, но популярность его была и остается неизменной. Все знаменитости, приезжавшие из бывшего СССР в Израиль, стремились туда, и из фотографий, на которых они запечатлены с Давидом, можно составить музейную экспозицию.

ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ В ГЕНАХ И ТЕАТР В КРОВИ

Часто ли мы слышим сегодня обращение: «Сударь...сударыня»? Признаемся, что нет. А ведь словари свидетельствуют: эти слова, адресованные «без фамилии или должности», в то же время вежливы и почетны. Их используют для разговора «с равными в социальном отношении людьми из интеллигентской, дворянской среды». И именно этими словами – наследием времен, в которых уважение и достоинство определяли человеческие отношения, обращался к собеседникам Давид Цискаришвили. Это было так органично для талантливого тбилисского театрального режиссера, который стал известен всему русскоговорящему Израилю как талантливый... ресторатор. Увы, сегодня мы говорим уже в прошедшем времени об этом неординарном человеке, перенесшем немало испытаний, болезнь, но никогда не жаловавшемся на жизнь, бросавшемся в бой с любыми трудностями и поражающим всех окружающих неукротимым духом и умением отстаивать свои принципы, креативностью и оптимизмом.

Интеллигентность была в генах Дато, выросшего в семье врачей. Мать провела детство в Швейцарии, дед, происходивший из тушинских овцеводов, учился в Сорбонне. В тбилисской квартире Цискаришвили висели фотографии родственников, судьбы которых четко иллюстрируют генетику, унаследованную неукротимым Давидом. Один его дядя, полковник, служивший в Петербурге, после октября 1917-го отправился в Грузию, демонстративно не снимая среди революционно настроенных толп ни мундира, ни наград. Другой дядя, священник, был неофициально делегирован в Петербург, к всемогущему Григорию Распутину – для переговоров о возвращении автокефалии Грузинской Православной Церкви. В кармане посланец вез немалые деньги, а в отдельном вагоне – декалитры отборной выпивки, несметное количество деликатесов и сундуки с подарками. Давид утверждал, что его дядя кутил с

Непримиримый спорщик по волновавшим его вопросам, которому неисчерпаемая эрудиция и верность жизненным принципам помогли отстаивать свою позицию, он до мозга костей был человеком театра. Он и саму жизнь воспринимал, как огромную сцену. Однажды, когда он эффектно священнодействовал с шампуром, посетители ресторана разговорились с ним и поняли, что этот грузин с орлиным профилем далеко не прост. «Наверное, в прошлой жизни вы были большим человеком?» - как бы подали ему реплику те, кто гордятся должностями, которые они занимали до репатриации. Ответная реплика Дато была такова: «И в прошлой жизни, и в этой я жарю шашлыки». А вот на вопрос, почему он приехал в Израиль, Давид, отказавшись от всех положенных по приезду пособий, отвечал уже вполне серьезно: «Я тбилисец, только сейчас живу в Иерусалиме».

И это было сущей правдой. Мало кто знал, что перед отъездом Давид Цискаришвили работал в пресс-службе Патриархии Грузии, позиционировал себя как ее представитель на Святой Земле, доказав это конкретными делами. И все годы за границей поддерживал связь с Католикосом-Патриархом Всея Грузии Илией II. Он старался как можно чаще бывать в родном Тбилиси, а в 2008 году отправился защищать его с оружием в руках. Участвовать тогда в боях 66-летнему Давиду не пришлось – он сломал ногу.

Умер Давид в Иерусалиме, в городе, который он знал, как свои пять пальцев. И в котором очень многие запомнили его неизменную помощь и поддержку. Похоронили его в Тбилиси, во дворе церкви Святой Варвары. И кажется, что каждый раз, придя туда, услышишь его громогласное, неподражаемое: «Так что, сударь, оценивая происшедшее с истинных позиций, нельзя не надеяться на лучшее!»

Владимир ГОЛОВИН

Мир без преград. Группа ВТБ

8 (800) 200-77-99

звонок по России бесплатный

www.vtb.ru

ОАО Банк ВТБ. Генеральная лицензия Банка России № 1000

1512-2972